

МАКСИМ ЛАКОМСКИЙ

ХРОНИКИ АНКЛАВА III:

Иллюзия Вечности

18+

Максим Вячеславович Лакомский

Хроники Анклава 3: Иллюзия Вечности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56875558

SelfPub; 2020

Аннотация

Предсказанный Анклавом Катаклизм начался. Глобальные катастрофы и ядерная война целиком изменили облик планеты, а остатки армий человеческих государств продолжают бессмысленную вражду между собой, в то время как бесчисленные Легионы вернувшихся на Землю Великих Первых истребляют каждого человека на своем пути. Целью интереса выживших земных наций становится российская Сибирь – наиболее уцелевший из регионов планеты. Тем временем старые и новые члены Анклава наконец-то воссоединяются и продолжают поиски источника спасения для всех земель. Мозаика из кусочков всех произошедших событий начинает складываться в полноценную картину, но выглядит она еще более пугающей, чем даже Анклав себе представлял. Хватит ли героям решимости и ума для участия в игре со столь высокими ставками? Или же этой истории суждено завершиться абсолютным концом всего Мироздания?

Содержание

Глава 12: Создавая Рассвет	12
Глава 13: Рубикон самообмана	39
Глава 14: Немного снисходительности к Небу	63
Глава 15: Расходный материал	92
Глава 16: Покажи-ка мне, Друг...	116
Конец ознакомительного фрагмента.	124

*Меняются и время, и мечты,
Меняются, как время, представления,
Изменчивы под Солнцем все явления,
И Мир всечасно видишь новым ты.
Во всем и всюду новые черты,
Но для надежды нет осуществления,
От счастья остается сожаление,
От горя – только чувство пустоты.
Уйдет зима, уйдут снега и холод,
И Мир весной как прежде станет молод,
Но есть Закон: Все обратится в тлен.
Само веселье слез не уничтожит,
И страшно то, что час пробьет, быть может,
Когда не станет в мире перемен...*

Луис де Камоэнс

«Анклав был создан в 2007 году, летом, 19 августа. В начале это была группа молодых причудливых ребят, помешанных на магии, вселенских тайнах и спасении мира. Первой серьезной операцией Анклава стала вылазка на недавно взорвавшийся газопровод, в ночь с 6 на 7 октября. Эти юные чудачки, воодушевленные куплетами из песни одной немецкой метал-группы, поехали на электричке до станции Капитолово, чтобы там встретить свою судьбу. Но, к сожалению, тот поход не оправдал всех их надежд. Он дал им пищу для

размышлений, изменил характер. Именно с этого началось становление Анклава».

– Хватит детям сказки рассказывать. Не уснут потом. – Сказала вошедшая в комнату Мария.

Металлическая дверь за девушкой закрылась, небольшие сервомоторы издали протяжный скрип и жужжание.

– Это, между прочим, не сказки, а наша история! – С наигранной обидой ответил Руш, хотя на самом деле был рад увидеть подругу живой, вернувшейся с задания.

– Здравствуй, Андрей. – Поздоровалась Смокер в ответ на приветственный кивок второго Анклавца, – Ребята, а где Макс? Он не с вами?

– Как обычно... Отправился грабить караваны. – Советник поправил очки на носу, поднялся, пожелал ребятишкам спокойной ночи и пригласил Марию и Фауста в коридор.

Дверь снова заперлась, Анклавец снаружи выключил свет в комнате. Троица двинулась вперед по коридору, из детского блока наверх, к штабу. Продолговатые лампы, закрепленные на стыках между стенами и потолком, давали легкий синий полумрак. Бряканье от шагов по металлическому полу глухим эхом отражалось от черных стальных стен.

– И часто ты их теперь так сопровождаешь ко сну?

– Не поверишь, третий день уже прихожу. – Ответил Павел, – Как только засыпают – сразу начинают плакать и кричать во сне, причем самые маленькие. Приходится будить,

успокаивать, чтоб нормально, без слез уснули. Те, кто постарше – ведут себя спокойнее, но тоже присоединяются к остальным и режут. Я так и не смог пока установить причину. Мне кажется, они начинают что-то чувствовать. Каждый новый вечер – все сильнее.

– Да уж... Детский плач не может быть к добру. Так, а где же Макс? Куда конкретно он подевался? – Вновь задала вопрос Смокер деликатно ушедшему от ответа Советнику.

– Не знаю.

– Охренеть! – Удивилась Мария, хлопнув глазами, – Ты не знаешь, где находится наш глава?!

– Не совсем «не знаю»... Он отправился куда-то на запад, ничего толком не объяснив. Сказал лишь, что должен встретиться с нашей судьбой.

– Отлично. Все как всегда. Он один отправился?

– Да.

– Но это же самоубийство!

Парень остановился и развернулся на месте так резко, что полы его плаща обогнули пространство вокруг, раздув скопившуюся пыль от грязной обуви.

– А он – Анклавец! И знает, что делает! Вся наша жизнь, вся наша работа и все наши планы – это одно сплошное самоубийство.

– Collective suicide. – Вставил Андрей, с понимающим видом обратившись к Маше.

– Не переживай, все с ним будет в порядке. Там, куда он

пошел, не ведут сейчас боевых действий. Район достаточно спокойный. И, могу поспорить, он приведет к нам какого-то нового человека. Как у тебя-то дела? Коммуникационная вышка заработала?

– Все в порядке, – С облегчением вздохнула капитан Смокер, – Антенна установлена, функционирует. На седьмой блокпост напала группа военных, двенадцать человек: два транспортных вертолета попали в локальный вихрь, образовавшийся прямо у них на пути. В аварийном состоянии посадили машины, пошли обследовать местность.

– Чьи?

– «Наши», Российская армия. Ребята с блокпоста всех быстро положили. Мы с группой проторчали там пять дней – подкреплений не последовало. Видимо, загульные, да и не особо важные, раз никто не пришел разбираться.

– «Нашим» сейчас не до того, на столько фронтов воюют... – Согласился второй Советник.

– Единственное: на третий день на деревню напала банда мародеров. Достаточно большая, несколько десятков там точно было. Эти ублюдки терроризировали окрестные районы уже давно. Осмелели и решили пойти лбом на нас. Теперь же меньше геморроя будет с северо-востоком той области.

– Это хорошо. У нас и так не хватает людей для размещения на все приграничные блокпосты. Теперь хоть там можно будет вздохнуть спокойно.

– На обратном пути встретила с группой нашего старо-

го знакомого по переписке, Предатора, – Девушка протянула Рушу диск, – Он попросил занести эту информацию в общую базу данных. Сказал, речь идет о некоем старом происшествии за девяносто шестой год, пригодится в архив.

За стеной послышался топот людей, сбегавших вниз по ступенькам – дежурные генераторной сменялись. Коридор впереди был разделен на три направления: направо, откуда было ближе всего подняться к лабораториям, прямо, на центральную лестницу, ведущую на верхние уровни, и налево, к медблоку.

– Значится так, Маш: ты иди в казармы, сними экипировку и сдай дежурному, потом отправляйся в больничку. Скоро прибудет автоколонна с севера, наверняка будут раненые... Посмотри, чем там можно помочь.

– Хорошо. За это время Лужа с Деметрой как раз подготовят следующую антенну для транспортировки. Нам с ними еще как минимум три установить нужно.

– Вот и замечательно. А ты, Андрей, сходи к Соколу и узнай как дела с разработками, чем еще оправдывается Максов «*GEM*» и что там у нас с греческим огнем в частности. Мне уже не терпится узнать, как на него отреагируют твари. Вспомни: разведчики с дальнего юга три дня назад докладывали, как китайцы привели за собой этих выродков. Нужно будет потом отправить туда пару групп для испытания и зачистки, а то в ближайшее время иной возможности нам не представится. Я пойду к себе и внесу эти данные в комп, и

надо будет проверить, чего там сборщики на склад понатааскали, глядишь – еще парочку бронекостюмов соберу.

Через пять минут Руш, развалившись в кресле и закурив сигарету, принялся изучать загруженную в штабную сеть информацию с монитора в личной комнате:

«Отчет комиссии по расследованию аномального события в деревне Сатино Калужской области в ночь с 23 на 24 мая 1996 года.

– В результате произошедшего приблизительно в 2 часа ночи мощного взрыва на северо-востоке населенного пункта на области в полтора километра пострадали 11 зданий – 7 частных домов и 4 общественных, входящих в состав учебной площадки Московского Географического Научного Центра.

– Наиболее серьезными повреждениями у всех зданий оказались выбитые строго наружу, осколками в сторону эпицентра, оконные стекла, что указывает на импловивный характер случившегося явления. Признаки температурного воздействия на пострадавших объектах отсутствуют.

– Ровно под эпицентром явления обнаружена тринадцатиметровая земляная воронка, глубиной в две целых двенадцать сотых метра. Следы вырванной с корнем травы и выброшенной из воронки почвы после тщательного обследования в окрестностях найдены не были.

– Пятеро местных жителей, находившихся в момент про-

исшествия в разных концах населенного пункта, сообщили о сильных подземных толчках. В трех случаях почва у них под ногами на мгновение поднялась, в двух – наоборот, по субъективным ощущениям, опустилась, причем пятым свидетелем был ночной рыбак, плывший на лодке по реке Протва, согласно показаниям которого, вода буквально «провалилась» под ним и заплескалась рябью, после чего восстановила свой исходный уровень. Примечание: в районе происшествия находится пересечение двух глубинных тектонических разломов.

– Три деревенские семьи в ночь явления отметили проблемы с радиовещанием и телефонной связью, а покинувший в момент события деревню водитель такси заглох в сотне метров от границы населенного пункта из-за внезапных проблем с электронной системой подачи топлива в двигатель и системой зажигания автомобиля. Кроме того, еще шестеро человек заявили о сбоях в работе бытовой электроники в ночь события, включая проблемы с функционированием электронных часов.

– Две трети жителей деревни отметили налетевшие непосредственно перед взрывом ураганные порывы ветра и внезапно разразившуюся при низкой облачности грозу, а также разноцветные вспышки молний в небе над пострадавшей от взрыва областью. Согласно их показаниям, цвет оптических явлений различался от красного до фиолетового, то есть включал в себя весь видимый человеческому глазу цветовой

спектр.

– Охранник склада из соседнего поселения, совершавший патрульный обход вверенной ему территории, указал на заметное ухудшение видимости еще до начала грозы, несмотря на ярко светившую в тот момент в небе Луну.

– Данные с метеостанции подтверждают резкое ухудшение погодных условий и чрезвычайно высокое ускорение ветра с последующим невероятно быстрым возвращением к нормам по региону.

– Наиболее любопытным из показаний является отсутствие грохота в момент выпадения стекол: большая часть населения абсолютно уверена, что не слышала ничего похожего на взрыв, но многие утверждают о наличие протяжного трубного гула до и после события, прекратившегося вместе с бурей.

В результате анализа собранных на месте неустановленного происшествия данных был получен следующий вывод: Сатинский феномен не поддается объяснению с точки зрения известных современной науке природных законов, являясь неким видом деструктивной аномалии, и по многим показателям соответствует феноменам Тунгусского взрыва и происшествию на реках Обь и Енисей в 1938 году».

Глава 12: Создавая Рассвет

Двадцать второго сентября две тысячи двенадцатого года мощный электромагнитный импульс, порожденный выбросами на Солнце, поразил Землю. Невиданное ранее северное сияние отключило практически всю электронику на планете. За несколько часов мир окутала тьма. Тьма в душах людей, копившаяся веками, выплеснулась наружу и обратила все города и страны в анархию. Так продолжалось сутки. Многие погибли за это время. Так начался Армагеддон.

Стихийные бедствия, уносившие все больше и больше жертв, к моменту перед солнечным ударом достигли такого масштаба, что правительства всех ведущих стран решили: отрицать события нельзя, пришло время готовиться к худшему. Большинство прогнозов сошлись в едином мнении: единственным более-менее пригодным для выживания местом во время Катаклизма будет являться территория южной Сибири, находящейся внутри Российской Федерации. Предшествовавшие переговоры «G20» во Владивостоке, проходившие с шестое по восьмое сентября, ни к чему не привели. Все страны хотели спастись. Каждый хотел выжить. Никто не хотел идти на уступки. Мир вступил в новую эру холодной войны, где каждый стоял сам за себя. Через сутки после отключения большей части электронных устройств, когда вся разведка, все радары и средства защиты были мертвы, а го-

рода запылали огнем мятежей, ситуация полностью вышла из-под контроля.

Мир был обречен, и все понимали это. Но людей, его населявших, было много. Слишком много, чтобы укрыться на маленьком клочке земли. И ни одна из сторон не хотела его уступать. Несмотря на импульс, часть электронных технологий все же удалось сохранить в рабочем состоянии. Несколько десятков ядерных ураганов пронеслись по крупнейшим мегаполисам Земли. Количество претендентов на места в сибирский «Ковчег» было сокращено. Конец Света наступил согласно нашим ожиданиям. Неизвестно, кто выпустил ракеты первым. Да и не важно. Количества взорванных боеголовок было недостаточно, чтобы полностью уничтожить поверхность планеты. Стиранию подверглись лишь очаги человеческого обитания. Одним из результатов обмена ядерными ударами стало усиление уже запустившейся цепной реакции внутри Земли. Начались серьезные землетрясения, извержения вулканов, ураганы и бури. На границах тектонических плит появились гигантские разломы. Взрыв Йеллоустоунского вулкана поднял большое количество пыли в атмосферу, а вкуче с радиоактивными осадками она затмила Солнце. Второй взрыв, произошедший на месте, где ранее существовала Гренландия, создал огромные цунами. Всемирный потоп, сопровождаемый массовыми сдвигами земной коры, поглотил огромную часть суши. Великобритания ушла под воду. США практически полностью перестали су-

ществовать. Обугленную и зараженную гамма-излучением Европу скрыл океан.

Но это было лишь началом. Двадцать первого декабря две тысячи двенадцатого года, когда Солнце и Земля выстроились на одну линию с центром галактики, когда первые лучи света поднялись сквозь тонны пепла над полуостровом Юкатан, пришли *Они*. Вернулись, спустя тысячелетия. Как и предсказывали Майя. После заточения вне времени и пространства, за краем всех известных Планов Бытия, в Вечной Пустоте и первородном Хаосе, Они возвратились.

Великие Первые пришли на Землю. Человек, погрязший в собственном безумии, лишенный источника своей гордости – технологии, погибавший под ударами стихий, не смог Им сопротивляться. Сотни тысяч ужасных существ, спустившихся из разверзшихся небес, впадин и морей, заполнили истерзанную планету.

Но через некоторое время эффект Блэкаута прошел. К людям вновь вернулось их оружие. Вышедшие из укрепленных укрытий остатки армий различных государств слились в неистовую схватку друг с другом и с гостями из иных веков за последний оазис жизни – за южную Сибирь.

Сколько времени уже прошло... А что такое время? Как нам его расценивать? Как принимать этот призрачный термин?

Под ногой хрустнула ветка. Иссохшая плоть елового растения раскололась. Если бы не это, я бы не отвлекся от своих

размышлений и не обратил внимания на лежавший впереди труп. Кабан. Уже давно тут. Догнивает. Странно, что падальщики не сожрали. Значит, в этом районе никого нет. Клубы белесого тумана струились на многие сотни метров вокруг, охватывая некогда великие столбы елей. На некоторых еще оставались иголки. Разумеется, это уже была не та прекрасная зеленая хвоя, которую мы помнили. Ответом на загадку «в любой сезон единым цветом» теперь, скорее, являлось небо. Серое, набухшее, безжизненное... Как и вся планета.

Ветки на останках деревьев пришли в еле заметное движение, и несколько иголок упало на меня. Сквозь мою экипировку почувствовать слабый поток воздуха было сложно. Туман медленно двигался. Концентрация его была разная: в небольших впадинах и ямках он лежал густым слоем, словно жидкость, а выше метра над уровнем почвы капельки воды уже растворялись.

Утро потихоньку стягивало с себя нежное ночное покрывало и начинало ворочаться. Кто-то считает, что самое холодное время – это ночь. Это неверно. Самое холодное время – утро: вечером, когда солнце заходит, земля еще теплая и остывает, ночью она постепенно охлаждается, и только к утру вся полученная за день температура уходит. Именно та часть суток, когда Солнце еще не взошло, но небо уже начинает светлеть – самая зябкая. Мох зашевелился и из него вылез маленький черный жучок. Не заметив меня, насекомое продолжило свою вылазку за пищей. К счастью, эту часть су-

ток я уже пропустил. Теперь температура росла. Градусов десять уже, наверное. Поднимется максимум еще на один. Сойдет, неплохо.

Метров через двести показали явные просветы. Хотя, конечно, просветами называть их следовало бы раньше, когда лес стоял густым за счет растительности, но это слово уже было мне привычным. Впереди раскинулась опушка, причем очень большая. Даже нет, скорее – поле.

Присев, я скинул рюкзак на жухлую траву, открыл его и достал подзорную трубку. Своего цифрового бинокля я лишился на последнем задании – выпал, когда пришлось смазывать. Из дома взять новый забыл. А по дороге сюда наткнулся на поврежденную артиллерийскую установку. Благодаря нехитрым мародерским манипуляциям, с нее я и стянул уцелевший прицел для наведения. Его кратности мне было вполне достаточно, а то, что на один глаз – не беда. Зато конструкция крепкая: пушка, ведь, когда стреляет, там такой удар происходит... Оптика – дело тонкое. Обычная сбивается легко, и тогда грош цена такому прибору. А на эту трубку хоть свой прибор положи. Хрен что ей станется. В разумных пределах, конечно.

Поле оказалось деревней числом около десятка домов. Старые деревянные хибарки, покосившиеся колышки прогнивших заборов. Колодец по центру селения означал, что вода у жителей была. Вчера вечером я наткнулся на небольшой ручеек, бивший из скал на склоне холма. Вполне воз-

можно, с ним и связан этот колодец. Показатели дозиметра тогда доверия мне не внушили. Здесь, на границе чистых районов, радиоактивное загрязнение уже начинало встречаться.

Вокруг деревеньки разрослось много густой, ростом по пояс, желтоватой травы – еще не загнила, но скоро тоже умрет окончательно. Стекла в окнах либо отсутствовали, либо еле держались из-за разразивших их трещин. Света нигде видно не было, дыма тоже. Первые признаки обитания можно было откинуть. На слух – только холодный ветер гулял, да заржавевшие петли калитки в палисадник поскрипывали. Я подошел поближе, до первого дома оставалось около двадцати метров. Еще раз прислушался и внимательно осмотрелся. Идти можно только крадучись – если где-то притаился противник, он тут же убьет тебя при обнаружении. На засаду не очень похоже, но черт его знает...

Домов здесь было восемь – двое больше остальных, и с той стороны, откуда я вышел, они загоразивали друг друга, вот и подсчитал неверно навскидку. Мародеры хорошо поработали – битые стекла, наверняка, их рук дело. Некоторые двери были выломаны. На центральной дороге валялось несколько гильз – автоматных, а чуть дальше и парные от дробовика. С винтовками сюда пришли грабители – за странствия они вполне могли где-нибудь найти себе подобное оружие. Двустволка, скорее, принадлежала старожилам. Осмотрев две хибарки справа, я не нашел ничего интересного. Все

вынесли. А вот по соседству, на стенах внутри, бордовым пятном виднелась старая засохшая кровь. Тел или кусков, разумеется, не было. Все растащили плотоядные. Только испачканные клочки одежды валялись по углам. Полакомились мертвечиной явно после нападения. Ветер продул деревянные комнаты насквозь, запах давно испарился.

На улице я вновь хорошенько осмотрел окружавшее пространство. Через трубу изучил местность вокруг опушки. Глухо, как в тайге... Где я, собственно, и находился. В самом ветхом сооружении наткнулся на пару банок с консервированными огурцами и мешок с картошкой. Эх, было бы время – поел бы корнеплодов, а так только несколько маленьких огурчиков отправились в желудок. Халявная еда – это круто. На печке нашел дешевую пластиковую зажигалку. Значит, связь с внешним миром у этого места имелась. Это уже хорошо. Цивилизация должна быть неподалеку. Лишняя зажигалка никогда не помешает.

В центральном доме осколков валялось больше всего – все крыльцо усеяно, словно кто-то специально их разбросал. В качестве сигнализации – отличный способ. Даже мне не удалось прокрасться без шума, как ни старался. В прихожей жизнь отсутствовала, смерть тоже. Продвигался я медленно, вслушиваясь в пустоту. Что ненавижу в старых домах, так это скрип досок. Каким бы ты «ниндзя» не был, ничего не поможет, когда пол под ногами гуляет. Люблю отечественный укороченный автомат за его размеры. Игрушка и мощ-

ная, и скорострельная, и магазин большой. Конечно, в отличие от старшего, полноценного собрата, оптику к нему не прикрутишь, да и подствольник не закрепишь, зато размер и вес меньше. Предпочитаю удобность и легкость мощности и точности там, где это возможно.

– Нет здесь никого, все уже умерли, иль ушли. – Произнес кто-то басом у меня за спиной.

Мурашки окутали все тело уже на развороте, когда мужчина оказался в области поражения ствола.

– Не стреляй. Я тебе ничего не сделаю. Смотри сам, оружия нет.

– А ну-ка, крутанись вокруг!

Незнакомец, стоявший у входа, повернулся на месте так, чтобы я смог осмотреть его со всех сторон. Действительно, снаружи ничего из средств убийства не наблюдалось. Одежда на нем была ни то, чтобы очень легкая, но и спрятать там тоже было что-то сложно – тонкий серенький свитер и темно-коричневые брюки советской эпохи, даже стрелочки проглядывались.

– Тебя как звать? – Спросил я.

– Алексей Степанович.

– Что ты делаешь здесь?

– Дочку свою искал... Наташеньку, хотел извиниться перед ней. Убежала она, я действительно тогда виноват был, соврал ей.

– Ясно. Это место знаешь, проверял?

– Да. Бывал уже в этом доме не раз, да и в остальных тоже. – Сорокалетний отец махнул рукой в сторону улицы.

– Что-нибудь интересное нашел?

– Нет, все вынесли давно уже. Только вот, надо погреб проверить здесь. Он закрыт накрепко. Взрывчатки, какой, часом, нету?

– Есть. Только тратить впустую не охота.

– Помоги с дочкой, а? Мне найти ее надо, извиниться...

– Думаешь, она могла спрятаться там? Может быть. Сильно поссорились?

Что-то в этом госте мне не нравилось, что-то было очень странным, только вот причину этого волнения по отношению к нему я пока не уловил.

– Да. Я ей про мать солгал, якобы умерла она. На самом деле, к другому ушла. А Наташка записку старую нашла, я ее хранил...

– Зря. Надо было лучше прятать.

– Какая у тебя взрывчатка?

– Граната, оборонительная.

– Сойдет, должна пробить крышку. Она просто из толстого слоя дерева, но там металлический засов, крепкий, держит ее. Руками не выломать, петли тоже хорошие.

– Ты с собой хвост не привел?

– Нет, можешь не беспокоиться. Ни тварей, ни людей.

– Хорошо, – Доверять этому человеку не очень хотелось, он мог меня пришить в любой момент, потому и ствол с него не сводил, но помочь надо, – Пойдем.

В дальней комнате, как и сказал Алексей, в полу находилась деревянная крышка. Несколько раз дернув за ручку и убедившись, что так ее не открыть, я свесил автомат на ремне и начал копаться в рюкзаке. Граната у меня была только одна, да и использовать ее нужды не представлялось, а все места на разгрузке забиты либо магазинами, либо иными необходимыми вещами. Перерыв свои пожитки, я нашел старую, помятую пачку сигарет. *Ту самую, с Охты*. Четырнадцать штук. Неплохо. Давно уже забыл про нее, так и болталась среди снаряжения с тех самых пор, как покинули берега речки.

– Душно здесь... Скоро еще хуже станет. Не люблю такое. Пойду наружу, там гораздо легче сейчас.

– Сходи на северо-восток поселка, проверь, нет ли там кого-нибудь. Оружия не дам, уж извиняй, сам понимаешь. – Сказал я вслед вышедшему из комнаты мужчине.

Действительно, дышать становилось тяжелее. Ветра почти не стало, а туман медленно наползал. Еще совсем легкий, но влажный. Это я заметил, когда вышел из временки, в которой овощи нашел. Были у меня знакомые, им тоже только свежесть подавай. Воздух в этой безоконной комнате с прикрытой дверью мариновался долго, и духота стояла не слабая, вентиляции никакой.

Заправив рюкзак и повесив его обратно на спину, я отсоединил чеку, разжал и аккуратно кинул гранату, бросившись к выходу. Когда прыгнул со стекла на дорогу, ударная волна уже разорвала стену дома и разворотила половину крыши. Поднявшись с колен и отряхнувшись, Алексея я нигде не заметил.

– Ле-ха!.. Степанович!

Никто не ответил. Странно, куда он делся? Выстрелов, криков или рыков я не слышал, а шанс того, что они совпали с моментом взрыва – минимальный. Рискну. Сначала проверю подвальчик, а затем пойду искать этого хрена. Уж больно мне самому стало интересно, во что я вложил свои последние взрывоопасные инвестиции, и какой с этого выпадет процент.

Зашел я с той стороны, где раньше стояла несущая стена, идти через главный вход – самоубийство. Дом и так еле держался, а тут еще крыша на башку свалится и похоронит под грудой бревен. Кое-как освободив проход в лаз, я достал из разгрузки фонарь и осветил внутрь. Глубоковато для погребка. Метра три, минимум. Лестница валялась внизу, откинуло взрывом.

– Есть там кто живой, а?

Подождав с минуту, я выкрикнул еще раз, громче, ведь контузию человек в два счета мог получить. Конечно, мож-

но было кинуть вниз светошумовую гранату, чтобы обезвредить возможного противника, ну а если там девчонка? Рисковать – опасно, что и следует из значения данного термина. Тем не менее, я положился на удачу. Подтянув респиратор с шеи на лицо, вслушался еще раз и прыгнул в проем. Если бы глубина была больше, или видимость хреновая – мог и ноги сломать, упав на какую-нибудь дрянь, вроде старого мусора. С такими джампами вообще надо аккуратным быть.

И вот, при приземлении, мозг, наконец-таки, сообразил: *«Он совершенно бесшумно подошел ко мне через россыпи стекол! Не было ни единого звука!»*.

Когда ты вдруг улавливаешь проколы или нестыковки в действиях подозрительных лиц, особенно, если только этого и ждал, то сразу становишься максимально готовым к любой негативной реакции с их стороны на твой драгоценный организм.

Зря сюда полез. В одной руке фонарь, другой перехватил автомат. Подвальчик бетонный, что странно для деревянного дома в глухой таежной деревеньке. Зато такой фундамент объяснял, почему от гранаты не разворотило все сооружение. Сырость, множество грязных плесневелых разводов на стенах, какие-то ящики со стеклянными банками и картошкой... На деревянном столе, рядом с пепельницей, стояла старая здоровенная радиостанция. Таких я уже много повидал, военная модель. Радиус обхвата около тридцати пяти – сорока квадратных километров. А вот за самим столом, об-

локотившись на него и сидя на стуле, догнивал труп. Я-то думал, что это прогнившим съестным так воняет, а то вместе с сыростью хрен поймешь. Частично разложившийся серый свитер и коричневые брюки советской эпохи украшали тело.

На лице и в душе у меня проступила легкая улыбка. Посмотрев, на всякий случай, наверх, я подошел к столу, оттащил тело в угол и сам сел на стул.

– Извини, дружище, похоронил бы тебя, но сам видел, что вокруг творится, да и ты уже ушел... Помогу, не волнуйся, тебе нельзя. – Произнес я вслух, обратившись к трупу.

Достав из рюкзака флягу, сделал несколько глотков, положил обратно, взял сигарету и прикурил той зажигалкой, что нашел в деревне. Зачем свое топливо тратить? Радиостанция работала – под столом стоял автомобильный аккумулятор, видимо, от грузовика, раз столько времени смог продержаться. Вероятно, Алексей заряжал его незадолго до Катаклизма. Прослушав однообразное шипение эфира и, настроив передатчик на *волну «двадцать три тридцать два»*, я начал вещание:

«Внимание всем! Говорит лидер Анклава, полковник Дориан Грей! Повторяю! Внимание всем! Говорит лидер Анклава, полковник Дориан Грей! Если вы меня слышите, отправляйтесь на Восток! На Восток! Сто пятьдесят километров! Следите за сигналом! Я буду выходить в эфир при первой же возможности! Следите за сигналом! Это касается всех выживших! Мы предоставим вам кров, еду и защи-

ту! Повторяю, всем выжившим, идите на Восток, за сигналом! Сто пятьдесят километров! Сто пятьдесят километров! Да, кстати... Наташа! Если ты меня слышишь... Твой отец, Алексей Степанович, просил передать, что это была его вина! Он извиняется, посмертно! Полковник Дориан Грей, Анклав. Конец Эфира».

Итак, дело было сделано. Голос я подал, маяк надежды для тех, кто услышал, вновь загорелся где-то на горизонте. Минус подобного саморетянства – теперь вся округа, имевшая рации и прослушивавшая эфир, узнала о том, что я где-то рядом. Частота же не защищенная, слушай – не хочу. И мародеры, и, что гораздо хуже, военные всех стран могут начать за мной погоню. К счастью, вторых, по последним известным мне разведанным, здесь не присутствовало. Битвы шли в иных местах... В основном – на севере и юго-востоке. Если раньше Сибирь была сердцем материка, то теперь им остались лишь ее южная и восточная части, да и те – своеобразный полуостров, с запада, севера и востока окруженный большой водой.

Через час я уже шел в двух километрах от деревеньки. Дома расскажу Рушу и Андрею, им определенно понравится. Вот Давидовскому и будет еще один пример на его любимую тему о духах, относительно исполнения незаконченных дел и удержания в этом мире при наличии подобных. Сверившись с картой перед уходом из уютного погребца, обнаружил и ближайший «центр цивилизации» – поселок Назия. Местечко

не большое, около пятидесяти домов разных размеров, больше, конечно, изб частных. Зато к ним должен был прилетать вертолет из более благоустроенных и развитых мест. Находилось это чудо советской экспансии в пяти километрах от меня. Продвигаться приходилось осторожно, повсюду могли подстергать смертельные опасности. Один раз дозиметр завел свою прерывистую трель, и пришлось обогнуть участок аж в целых триста метров. Что могло там быть и вызвать подобное заражение, я понятия не имел. Вполне возможно, какая-нибудь небольшая «грязная бомба». Хотя каким же надо быть идиотом, чтобы заражать место, в которое ты собираешься переселиться? Все стороны конфликта старались оставить Сибирь максимально чистой и незагрязненной, пригодной для дальнейшего выживания. Негласное табу на ядерное, химическое и биологическое оружие. Если испоганят последний оазис – сами и сдохнут в нем.

К обеду я добрался до Назии. Процедура на подходе к месту бывшего обитания гомо сапиенс, с целью установления является ли оно нынешним, была стандартной: обзор через оптику и ориентирование по ситуации.

С первого взгляда стало видно, что здесь не так давно протекало сражение: разрушенные взрывами кирпичные трехэтажки, воронки на асфальте, когда-то дымившиеся кучи обугленных стен. Поселок не был разрушен полностью, но потрепало его хорошо. Процентом, эдак, на пятьдесят, я бы сказал, причем равномерно. Следы взрывов и огня яр-

ко виднелись и вокруг, в лесах. Такие разрушения могли оставить после себя только государственные войска. Должно быть, «наши» проходили сюда с востока и столкнулись лбами с америкосами – эту догадку подкреплял выгоревший остов тяжелого западного транспортного вертолета, на окраине кирпичного квартала разнесший при падении водонапорную башню. Выживших здесь тоже, вроде бы, не наблюдалось.

При входе в городок я наткнулся на крупного одичавшего пса. Тварь была потрепана и очень зла. В глазах читалось неугасимое желание сожрать случайно забредшего на ее охотничью территорию путника. Пришлось положить конец планам зверя несколькими выстрелами из автомата. Сначала я скосил, оторвал собачке лапу, но следующие пули пошли правильно, и черепная коробка песика разлетелась по проезжей части. Нечего на меня огрызаться. Прошел бы мимо – и звука бы не поднял. Тысячелетиями человек уничтожал все известные ему формы жизни, считая себя царем природы. Якобы, все так и должно быть. При этом убийство какой-нибудь лягушки считалось незаметным, а вот смерть другого человека – высшее преступление, грех. Это неправильно. Даже не бред, или идиотизм... Не знаю, как это назвать. Жизнь – есть высшая ценность, любое ее проявление, любая ее форма, какой бы она ни была, и как бы она ни была настроена супротив вас, есть абсолют. Нет ничего важнее. Никакие моральные устои или материальные богатства не могут быть

даже близко приравнены к ее ценности, не говоря уже о превышении...

Очередь из автомата взорвала небольшую бочку с топливом, чудом уцелевшую во время предыдущей крупной битвы, и разнесла на пригоревшие ошметки еще двоих обладателей облезлой шерсти. Как тогда относится к подобным вещам? Очень просто. По крайней мере, таковым оно является для меня. Если бы собаки не угрожали моей жизни, или я бы мог пройти мимо них незамеченным, я бы их не трогал. Но в данной ситуации выхода было только два: или они, или я. И сами животные прекрасно понимают это, ведь Природа живет по тем же законам. С точки зрения людской этики это плохо, но не нужно еще и усугублять дело самому, уничтожать все вокруг тебя при первой же возможности, вне зависимости от расклада сложившейся ситуации. Всегда нужно думать, прежде чем что-то делать, причем не только за себя. И я с полным пониманием беру на себя все бремя ответственности за все те жизни, загубленные за свою.

Странно, что никого из людей мне до сих пор не попало. Дошел почти до центра Назии, а души ни одной. Даже ни одного мародера не встретилось за последние два дня. Апокалипсис, все дела, но выжившие-то должны быть. Я, конечно, люблю, когда рядом нет людей, никто не подстрелит со спины и не ушибет арматуриной, но полное их отсутствие странно. Неужели, все ушли из этого района? Похоже, заварушка, протекавшая здесь несколько месяцев назад, была настолько

мощной, что всех распугала. На месте гражданских я бы тоже свалил из опасных районов, втопив педали.

– Бегом отсюда! – Раздался дикий вопль слева, из переулка – молодой паренек выбежал на всех парах, прямо ко мне, – Валим на хрен, эта штука нас сейчас сожрет!

Дважды повторять мне подобные заявления не нужно. Учитывая, что у чувака не было оружия, да и одежда явно не приспособлена для ведения боевых действий, я ему поверил. И, как оказалось, не зря: пробежав по улице вперед, я оглянулся на ходу и увидел здоровенную тварюгу, летевшую за нами метрах в пятнадцати над землей.

Черно-фиолетовая сморщенная лысая кожа, визуальное родство общей формы тела с летучей мышью, размах перепончатых крыльев в четыре с половиной метра и три склизких щупальца, торчавших из разинутой, истекавшей ядовитой слизью пасти, говорили за себя: «Смерть вам пришла!».

Скользкая зараза попыталась спланировать и подцепить испуганного до мочеиспускания студента – очень уж вид паренька напоминал шуганного первокурсника – но я успел среагировать, сделав подсечку по ногам и сместив его центр тяжести, ударив рукой по спине: кавалер долбанулся башкой об асфальт, облив матом и меня, и летучую проказу.

Непонятная зверина что-то прохрипела сквозь щупальца, мол, «Какого черта я этого тушканчика не подцепила?!», и пошла на вираж для второй попытки. Подняв на ноги заскулившего парня, я сделал три выстрела по воздушной мише-

ни, но пули ушли в молоко. Палить очередь было бессмысленно – и патронов у меня не так много, и не попасть уж тем более, отдача велика.

– Быстрее, впереди церковь стоит, доберемся – укроемся! – Выкрикнул я ему.

– Думаешь, эта страхолюдина не полезет в церковь?

Парень немного отошел от размышлений о боли, впитал суть и побежал за мной.

– Не думаю. Еще как полезет. А вот там и подумаю, что дальше делать. Просто, если сейчас подумать, то думать-то и некогда.

Незнакомец в мой базар не особо въехал, но сделал для себя исключительный вывод: мы находились между двух смачных булок, а эта штука способна была нас вогнать туда по самые не балуй. Я бы на его месте тоже делал то, что скажет человек в боевой экипировке и с автоматом в руках, молниеносно подаривший моему лику ощущение каменной тверди.

До церкви оставалось метров сорок, когда существо вновь пошло на заход. На этот раз молодой человек сам понял, когда надо пригнуться и, тем самым, уберег себя от смерти, удара лицом об асфальт и повторного, сокрушительного падения самооценки. Я вообще люблю воспитательные методы коммуникации с молодежью. Это мне, видимо, от моего Учителя досталось. Как он мне мозг сношал по каждому поводу... Зато теперь вот песок не жую, как этот хмырь, и из носа фонтанчики алой не пускаю.

Бестия опять прокудахтала на своем, и урок тоже осознала, хоть и со второго раза – пикировать надо до самой земли. А вот занятия в летной школе она явно прогуливала ради совокупления с партнерами – грохот и визг поднялся отличный, когда крылатая сволочь врезалась всей своей многокилограммовой тушей в фасад церкви. Лапами все-таки успела зацепиться за крышу и не упасть, а я в этот момент, вышибив входную дверь плечом со всего разгона, благо та не заперта была, ввалился внутрь вместе с попутчиком.

На входе висело зеркало для осмотра собственного внешнего вида прихожанами, вдоль стен под мозаичными окнами шли ряды скамеек, завершавшиеся парой золотых статуй маленьких ангелочков и алтарем.

– Быстро, возьми это зеркало и поставь напротив подиума для священников, приложи к чему-нибудь, чтоб держалось, найди второе в их комнате – знаю, оно там должно быть – и поставь так, чтоб стояло противоположно первому, смотрело прямо на него!

– Ты... Ты собрался этого монстра в Ад что ли отправить?

– Отсоси. Ответ отрицательный. Двойка тебе за религиозоведение и мифологию: если эта штука в Аду окажется, там всем песец на яички наступит. Ты же не станешь зловредного муравьеда в муравейник отправлять? Только если на живодерню...

– Мог бы и не выражаться... Тут еще и храм к тому же. – Обидевшись, проговорил в нос мой новый знакомый.

– Мог бы, – Ответил я, повернулся к нему и одарил легкой улыбкой, – Только тогда весь кураж исчезнет.

Хлопнув парня по плечу, и прокричав ему в след «Две минуты!», отправился на улицу, гонять тварь, пока коллега, к общему счастью пока еще не калека, делал так, как я сказал. Создание тем временем кружило над куполом и думало, как поэффектней ввалиться внутрь, чтоб мы оба обделались от удовольствия его лицезреть. Завидев меня, Летун тут же попытался спикировать и царапнул каменную плитку тремя своими лапами, так как я уже сделал кувырок в сторону. На этот раз кошмар криптозоолога не удостоил меня своим ехидным гортанным бздением, деликатно промолчав.

Единственным несмертельным вариантом отвлечения твари была беготня вокруг здания. Запыхался я уже порядком, несколько раз в обратные стороны разворачивался на месте, а это неплохо по сердцу долбает. Лиловая скотинка тупила по полной программе, мне же на руку. А какой еще уровень интеллекта можно было ожидать от кальмара с крыльями? Мои навыки отлично не давали мне превратить это место еще и в кладбище, ибо летучее головоногое обладало шикарными рефлексами и гибкостью. Будь она даже на земле, я бы с трудом смог попасть в эту тварь из автомата. Убить ее в одиночку можно было, лишь остановив на одном месте. Ну и роторный шестиствольный пулемет тоже, конечно, сошел бы, но, увы, такого у меня в кармане не завалилось. Когда из стен церкви прозвучало самодовольное «Готово!», я

уже подбежал к входу на последнем дыхании. «Спрячься за скамейкой!» – успел я выкрикнуть, упав плашмя.

Как и ожидал, Леталка пронеслась внутрь сооружения вслед за мной, и, растерявшись от секундной смены окружавшего ее пространства, не подцепила жертву когтями, а полетела вперед, затормозив только у алтаря. Повезло, что юный стратег предусмотрел размах крыльев черной страшилы, и та не снесла зеркала случайным взмахом. Поднявшись, я начал громко и дерзко, так, что мой голос отчетливо отразился от стен храма ярким эхом, говорить.

– Замри на месте! А то сейчас я вновь отправлю тебя прозябать остаток вечности со своими запечатанными собратями. Посмотри вокруг, я уже открыл портал, вот они, виднеются, запертые, без сил, голодные...

Существо успокоилось, перевело безглазую морду сначала к одному зеркалу, затем к другому, и заверещало, принявшись повторять эти движения из раза в раз. Пока Летун соображал своим особо одаренным разумом, я юркнул к нему и выпустил полный магазин по тому месту, откуда торчали щупальца. Туша завалилась, немного побилась в конвульсиях и замерла навсегда.

– Круто ты его! – Воскликнул восхищенный новый друг, вылезший из-за скамейки, – Черт, да ты вообще кто такой? Солдат? Или экзорцист какой-нибудь?

– И то, и другое, и даже без хлеба. Нашивку на плече видишь? Анклавец я. Дориан Грей. Рад знакомству.

– Саша, – Парень пожал протянутую мной руку, – Спасибо за спасение. Так ты тот мужик, вещавший по рации?

– А что, слушал? Работает, значит, задумка, отлично.

– Я только не пойму, чего это за создание такое и как ты его уделал?

– Как говорит один мой хороший друг: «Ни одно существо в этом мире не выдержит очереди из автомата в голову в упор». Это был Летун, ну или Леталка, как мы иногда их называем. Разведчик, нечто вроде большого комара. Щупальцами высасывает все соки из твоего организма, оставляя труп на съедение падальщикам.

– Но как такое существо может, э-э, существовать?

– Не знаю точно. Мы их физиологию еще не изучали, образцов не было. Сталкивались несколько раз, но зенитки превращали их тушки в фарш – кишки, дерьмо, хрен разберешь, где что и куда вставляется. Позже обязательно займемся. Жалко, этот экземпляр изучить не выйдет, отлично сохранился. Только разложится очень скоро.

– Погоди, или мне кажется, или эта штука постепенно иссыхает?

– Да, верно подмечено. Ему для того кровь и прочая жидкость и нужна. Тысячелетия на морской глубине оставили свой отпечаток в эволюции.

– Так оно из воды вылезло? – Удивился новый знакомый, – С крыльями?!

– Ага. Это нам повезло, что мы еще с залетными из бо-

лее непривычных сред обитания не столкнулись – те гораздо опаснее. Да и интеллект получше будет, тоже без сравнений.

– Но у него же глаз нет! – Не собирался отставать Александр, – Как оно в зеркало посмотрело?

– Глаза ему и не нужны. Так же, как и уши. Оно ориентируется *ментально*. Ощущает твои мысли. Не просто видит тебя, но знает, что именно ты делаешь и о чем думаешь, образами конечно, не целиком. Сильные, яркие мысли, такие как страх, например, отличный для него ориентир. Если не о чем не думать, совсем, оно тебя не заметит или потеряет. Когда я начал орать на него, конечно, существо меня не слышало. Но оно *ощущало, понимало*, мою речь. Считывало мое общее напряжение, направленные образы в моем сознании. Церковь – это очень старое, сильное место. Сотни людей каждый день оставляли здесь мощный эмоциональный отпечаток за счет своих молитв, надежд, воли и желаний. Я этим воспользовался, усилил свой психологический выброс. А дальше все сделали зеркала и само небогатое воображение Летуна. Если поставить две зеркальные поверхности друг напротив друга, они станут отражать себя до бесконечности, а в данном случае объектом отражения стал Летун. Оптика. А бесконечное отражение самого себя заставило существо оценить ситуацию так, как я этого хотел. Заставило его сомневаться в себе, колебаться, предположить возможность истинности моих слов. Психология. Этого мне и хватило, чтобы убить тварь, высадив рожок в мозговой от-

дел.

– Вот это отпад... Ты молодец, однако! Быстро кумекаешь.

– И ты научишься, если тренироваться будешь.

– Хех... Слушай, а когда ты сказал про его изголодавших собратьев...

– Да, правильно мыслишь. Он сам был голодным и исхудалым, начал ссыхаться, иначе бы не охотился так открыто.

– Ну, вообще-то, я не об этом... Разумеется, все равно интересно, только вот... Эти его «собратья», которые заперты...

– Нет. Они нас сейчас не достанут.

– Ты тоже читаешь мои мысли?

– Нет. Я же ошибся в первый раз. Просто предполагаю, что вероятнее всего ты дальше скажешь, исходя из уже сказанного тобою.

– Откуда ты столько всего знаешь?

– Я же сказал: я Анклавец. *Знать и думать – это наша работа.*

– И спасти людей из безвыходного положения тоже?

– В точку. Именно так.

– Вам, наверное, неплохо за это платят...

– Неплохо, хех... Меньше, чем «ничего» нет ничего. *Мы ни на кого не работаем, за нами никто не стоит. Мы сами по себе. Сами помогаем людям. Очень часто даже в убыток уходим, но оно того стоит,* – Вытащил из рюкзака пачку,

достал зажигалку, прикурил и продолжил, – А ты сам как здесь оказался? Вроде, не из местных.

– По сигналу шел, как ты и говорил. А вообще я из Санкт-Петербурга.

– Питер? Ух, земляки значит. Но как ты здесь-то тогда очутился? В центре Сибири?

– В общем... – Парень отвел глаза, ему явно тяжело было заговорить об этом, – У моего дедушки тут дом... Был. Он еще другой строил, поновее, помочь очень просил. Приехал я к нему десятого сентября, *до всего этого*... Потом... Дед погиб. Одна из тварей таких, только наземных, поймала. Он меня защищал, свою жизнь, можно сказать, отдал. Сказал: «Беги отсюда, пока цел! Живи! Я свое уже отгулял!». Я и убежал. Прятался, где мог, ел и пил, если пропитание находил, разок мародеры поймали. Хотел у них помощи попросить, привлек внимание, а они обобрали всего, только одежду оставили.

– Тебе еще повезло – живым оставили, отпустили.

– Да, возможно. Люди как волки стали друг к другу.

– Да они всегда такими и были, просто сейчас гримаса интеллигенции и подхалимства спала. Есть, конечно, и нормальные, только меньшинство это, по сравнению с общей серой массой. Я вот как раз из такого меньшинства. Не из сексуального, не кривись. С этим все в порядке. Из духовного, морального, нравственного.

– Красиво заливаешь, как соловей. А вдруг ты меня об-

манываешь?

– Тогда зачем спасал?

– А вдруг, я тебе просто нужен был, чтобы этого Летуна убить, чтобы финт с зеркалами повернуть?

– Молодец, мозга зашевелилась, а-ха-ха! Не парься. Если бы я захотел тебя убить, ты бы уже был мертв, сам подумай.

– Гм, тоже верно.

– Спас я тебя из чистых побуждений. *Понимаю, в этом догорающем мире тяжело поверить, что остались еще чистые, хорошие люди, которые не только за себя, но и за других... Но это так. Я действительно открыт перед тобой.*

– Это хорошо, э-э... Грей.

– Можешь пойти со мной. Полагаю, ты этого и хотел, раз уже шел по сигналу. Мы живем довольно большой общиной – дадим тебе приют и еду, защиту, но и самому тебе придется помогать нам в работе.

– Да, конечно! Я согласен. Все равно пойти некуда. А вы ребята вроде не плохие и даже интересные. Можно попробовать. Мне в одиночку нет шансов выжить.

– Отлично, тогда – в путь! – потушил хабарик о скамью, на которой сидел, – Редко Летуны по отдельности передвигаются. Должны быть и наземные существа. Мы тут и так уже засиделись, а на столь громкую заваруху кто угодно может прискакать. Я отнюдь не сверхчеловек, с целой армией не справлюсь.

– Хорошо, пойдём.

Глава 13: Рубикон самообмана

– Смотри, это же снег! – Радостно произнес Саша, – Только, какой-то он...

Небо немного потемнело по сравнению с его обычным состоянием в это время. Слабая серая рябь проявилась сквозь облака и стала медленно опускаться на землю, подгоняемая ветром. Маленькие мягкие хлопья западали мне на руки и капюшон.

– Это не снег, это пепел, – Разбил я надежды спутника, – Наверное, где-то недалеко вулкан взорвался. Раз мы не почувствовали вибрации от земли и ударной волны не было, значит извержение было либо далеко, либо слишком слабым. Недолго просыплется.

– Черт... Такое только представить... Раньше... Мурашки по коже. А теперь вот обычное, можно сказать, событие.

– Да. Все продолжает рушиться. Так, что я тебе говорил? Не подавать голоса, пока мы в пути. Не отвлекай и сам не отвлекайся. Увидишь нечто опасное или необычное – говори сразу. А по пустыкам – без базара.

Его интерес был мне понятен. Рядом шел человек, который, казалось бы, имел ответы на любой сокровенный вопрос. Как не воспользоваться подобным стечением обстоятельств? В начале нашего совместного пути Александр пытался разузнать от меня как можно больше, но пришлось ему

объяснить важное правило: во время похода по неизведанным территориям нельзя разговаривать и углубляться в какие-либо сторонние темы. Забыв об окружающей обстановке можно прошляпить угрозу и протянуть коньки.

Перед выходом из Назии Саша показал мне найденный им армейский ящик, оставшийся еще после военного столкновения и хранивший в себе три осколочных гранаты. Неплохое подспорье в случае чего. Я решил взять их с собой, место в рюкзаке еще оставалось. Давать оружие пареньку было рано – он и пристрелить меня мог, я же его еще не знал, хотя, конечно, у спутника все на лице было написано, и беспокоиться об этом не стоило. Но управиться он не смог бы ни с чем из моего арсенала, пришлось объяснить парню: оружием может быть не только то, что стреляет или взрывается, а любой предмет, начиная от арматуры и заканчивая палочками для суши, целлофановым пакетом или же стеклянной банкой, которую при желании можно разбить и получить смертельно опасные для человеческого организма осколки. Всегда нужно помнить: оружия вокруг тебя полно, главное – уметь понять, как предмет можно использовать для лишения другого жизни и защиты своей. Даже крышкой помятой жестяной консервной банки можно перерезать сонную артерию. А если металлическое орудие ржавое и грязное – вообще замечательно, у врага еще и заражение крови будет, если повезет. Никогда не надо думать, что просто ранишь, повредишь противника. Всегда нужно идти в атаку с намерением

убить оппонента. Иначе нельзя: или он убьет тебя сам, или же, при выживании, создаст отдаленные проблемы. Возможно, когда-нибудь вернется и отомстит, или же моментально укокошит со спины при наличии таковой возможности.

Саня держался мужиком – видно было, насколько он устал и не приспособлен к таким длительным переходам, но не жаловался, не ныл. Молодец. К походам только с опытом привыкаешь, если выносливость постоянно развивать. Руш меня каждый день гонял до потери пульса. Сколько мы с ним дорог обходили... Помню, нашим рекордом в те времена было пятьдесят километров за девять часов летом в жару в камуфляже, полной экипировке, через лес и болото по колено. Двадцать пять туда и двадцать пять обратно. Благо, места для тренировок у нас были – рядом с домом находился огромный военный испытательный полигон.

Я еще потом два километра сверху, по шоссе, до соседнего поселка плелся без передышки, к девушке своей тогдашней. Не забуду ее выражение лица, когда она меня такого чумазого, грязного, вонявшего потом увидела... Эх-х... Юность, воспоминания...

Вместе с Александром мы прошли уже порядка двадцати километров за сегодня. Очень хорошее количество, учитывая теперешние условия мира. И даже ни на кого не наткнулись. Если и дальше наше путешествие так пойдет – вообще шикарно будет. Курорт, а не апокалипсическая Сибирь, прям. Среди мощных корней деревьев я обнаружил нечто,

напоминавшее маленькую пещеру. Взяв наизготовку автомат, двинулся вместе со спутником, вооруженным металлической трубой, внутрь. Осмотрев все внимательно под светом фонаря, мы обнаружили чьи-то большие, старые, истлевшие кости. Явно не человеческие.

– Похоже на берлогу медведя. – Прокомментировал мой товарищ.

– Она самая, здесь и заночуем.

– А как же хозяин? Вдруг он вернется?

– Для начала, он уже никогда отсюда не выйдет – кости видишь?

– А если придет тот, кто его съел? Это же еще хуже.

– Вряд ли. Кости старые. Здесь штуки охотились, типа той, как мы с тобой в церкви грохнули. На медведя одна тварь не полезет, если только не очень крупная. Думаю, они в этом районе всех кого можно съели и ушли отсюда. А в берлоге нас труднее будет заметить хотя бы человеку.

– Отлично! Тогда давай распаковываться! У тебя есть еда?

– Есть, конечно, поделюсь, не волнуйся. Только не здесь.

Выйдем наружу, пройдем вперед метров двести, там костер разведем. Если кто-то идет за нами по следу, может, собьем, пройдет дальше, за костер, а мы сами на ночь сюда вернемся. Техника безопасности, так сказать. Лучше перебдеть, чем недобдеть.

Пепел закончил сыпаться через полчаса. Ветра вокруг не было, тишь да гладь. Смещение теплых и холодных масс не

завывало среди огромных деревянных колов мертвых сосен. Видимость, правда, из-за этого была не шибко большая – метров двести где-то, дальше уже шла туманная дымка. Похолодало, градусов восемь стало. Вечер, ничего не поделаешь. Плюсом вымиравшей Сибири было наличие большого количества сухих веток и палок – дров для костра мы набрали быстро и много. Травы вокруг не было, редко она встречалась в этой части бывшей России, в основном один мох. Немного сухих комков я положил на растопку.

Два полена мы приволокли для удобства сидения – положили вокруг костра, напротив друг другу. Мерцавшие красно-оранжевые всполохи приятно согревали. На огне грелась банка тушенки, а на окраине, в углях, я положил несколько картофелин, которые все-таки увлек из той деревни. Ну не смог я себе в халявном хавчике отказать, много места они не заняли. Теперь вот поедим, а то припасы у меня были только на одного человека строго рассчитаны. Дальше придется съестное искать самим. Если бы мы остались ночевать на открытом пространстве, можно было бы спать на пепелище, главное – внимательно к этому отнестись: потушить все угли или дать самим дотлеть, ну или выкинуть палкой и потушить, чтобы ночью не загореться. Такой способ сна достаточно теплый. Но в берлоге безопаснее – прикрытое от чужих глаз место, все же.

– А вдруг скоро температура упадет ниже нуля, и мы замерзнем? Или зима начнется? Ядерная? И почему она, кста-

ти, до сих пор не началась?

– Не начнется. Не парься. Идея глобальной ядерной зимы родилась в восьмидесятых из коллективных соображений группы западных ученых, довольно быстро добравшись и до Советского Союза. Объединившись во взглядах, коллеги-физики внушили тогдашнему обществу, что полномасштабная война с применением ядерного оружия ввергнет Землю в новую ледяную эпоху. Ранняя теоретическая модель всемирного замерзания от зарубежных умов содержала в себе яркие нарушения, прямо говорившие об искажении фактов с политическими целями, а большинство моделей, выдвинутых с нашей стороны, основывались на субъективном анализе наших ученых, выполненном с подтасовкой реальных последствий от применения ядерного арсенала на более катастрофические. Парочка других исследователей, Томпсон и Шнейдер, привели в пример иные расчеты воздействия атомных ударов на состояние мирового климата, согласно которым столбик термометра опуститься на трижды меньшую величину, чем обещали их предшественники, да еще и на существенно меньший временной срок – считанные недели вместо долгих лет. Таким образом они доказали несостоятельность первоначальных концепций, заменив итоги ядерного обмена на менее пессимистичные, каковые мы сейчас и наблюдаем вокруг.

– Ну ты и загнул... Вот так, сходу... – Удивился спутник, подтянув руки поближе к костру.

– А что, непривычно?

– Честно сказать – да, чтобы сразу так целую тираду информации выдавали с одного запроса... Как-то даже неудобно!

– Ничего, – Я с пониманием улыбнулся, – Со временем привыкнешь.

– Почему же тогда людей убеждали в угрозе ядерной зимы? – Возмущенно спросил Саша.

– Все просто: *политика*. Шла Холодная Война. Народ сохранил веру в ядерную зиму, поскольку правительство хотело отвлечь граждан от переживаний по поводу ядерной войны с США во второй половине двадцатого века. Зачем это было нужно властям? В случае наступления смертоносных глобальных заморозков вымирание будет тотальным, а значит и подготовка к мировому конфликту лишена всякого смысла, то есть не нужно выделять на нее колоссальные деньги, опустошая и без того не резиновые денежные запасы страны.

– Но, как же... Как это «лишена смысла»? А люди?!

– Да плевать всем было на людей. И нашим, и забугорным. Куда важнее для них деньги и ресурсы, и если есть хоть теоретический вариант их сэкономить или преумножить, они обязательно воплотят его в жизнь. Конечно, в СССР было построено множество подземных бункеров и убежищ, но факт остается фактом. «Холодная Война» – это всего лишь столкновение интересов двух групп толстосумов, каждая из

которых хотела заполучить контроль над другой, чтобы грести с этого деньги. Через некоторое время эта идея была заменена немного иной, более мягкой, и Советский Союз развалили тонкими закамуфлированными методами, а не прямым противодействием.

Тушенка уже разогрелась, и я дал банку и вилку Александру, чтоб он первым съел свою половину. Таскание колющего оружия в рюкзаке может быть чревато, например, если упадешь на спину, или перекат сделаешь во время боя, но по мне наличие вилки – куда лучше, чем одна только ложка. Просто надо сделать так, чтобы зубцы, в случае чего, не кольнули. Наверняка, он не питался дольше, чем я, да и в пути не заикнулся об этом ни разу. Совестьливый значит, очень хорошо.

Чуть просвечивавшее сквозь небо солнце медленно плыло к горизонту на западе. Почти уже скрылось за холмами. Прозрачные серые тени падали от деревьев, одна из них прямо на Сашку и меня. Зато в глаза не светит, хех... Было бы чему светить... Картошке надо еще минут десять повалиться. Не ужин в столичном ресторане, но есть приходится, что имеется, если с голодухи помереть не хочешь. Хотя лично я люблю тушенку. Мне ее вкус нравится. И питательно достаточно.

– Через полчаса надо уже спать идти. На всякий случай я будильник на часах завел, чтоб не проморгать, если заговоримся. А то не выспимся. Блин, опять пепел пошел... Что

же там так смачно пыхает...

– Грей, а почему правительство нам не помогает? Почему не было эвакуации? У нас дома стоял телевизор, я смотрел новости в последние дни до Катаклизма... Президенты, члены парламентов, госдум, советники – никого из них не было! Почему никто не выходил в эфир и не предупреждал? Не говорил что делать?

Из-за самопроизвольно вырвавшегося лающего смеха кусок тушенки чуть не попал мне туда, куда не надо. Нехорошо смеяться с набитым ртом, можно и сдохнуть.

– *А ты до сих пор так и не понял? Хах... Да не собирался никто никого спасать!*

– Почему не собирался? А как же гражданская оборона, сохранение выживших, планы?

– *Да потому что на хрен не нужны правительству наши жизни!* Все высшие звенья власти укрылись в хорошо защищенных, подготовленных и труднодоступных местах, взяв с собой свои семьи и охрану.

– Но как такое возможно? Почему до Катаклизма все было нормально, а тут...

– Все было нормально? *Все-было-нормально?!* В каком мире ты жил, что все было нормально?

– Ну, как же, в том же, в каком и ты...

– Вот именно. Просто ты не замечал того, что происходило на самом деле. Ровно до того момента, когда *им* уже стало все равно, и *их* цель была достигнута. Мир, в котором

ты вырос, составляет собой жесткую Систему, где все, чтобы ты не делал, или хотел сделать, находится под контролем высшего класса, небольшой группы людей. Они контролируют всю твою жизнь – от первого вздоха при выходе из материнского утроба, твоего обучения в школе, то есть создания твоего взгляда на окружающий мир, признания и выявления законов, которым ты следуешь в дальнейшем, постулатов, и нерушимых внутренних констант, до работы на благо поддержания и формирования общества, угодного им и твоей смерти в тот момент, когда, опять же, они этого захотят.

– Это невозможно! Это все глупые теории заговоров! Зря ты в них веришь. Просто бред, придуманный некоторыми от безысходности, для поднятия смуты! Если бы все было так, как ты говоришь, и эта «Система» действительно бы существовала такой, люди бы это заметили! Они бы кричали, если бы это было правдой!

– А я тебе и кричу. Прямо сейчас. В твое ухо. Но ты не хочешь меня слушать. Ты просто не желаешь этого. Люди и ранее пытались сказать, сделать... Только их устраняли. Быстро и незаметно. Либо затыкали угрозами. В крайнем случае, пытались подкупить. Всем хочется жить как можно лучше, – Сигарета тянулась отлично. Люблю покурить после еды, – В отличие от них, я не заставляю тебя принимать то, что я тебе говорю и не навязываю тебе свою точку зрения. Я просто предлагаю тебе выбор. Предлагаю тебе шанс узнать правду. Я совершенно обычный маленький

человек, не являюсь каким-нибудь авторитетным лицом с точки зрения общества. Но так ли оно на самом деле? Почему мы считаем важными лишь тех людей, у которых есть деньги, известность и слава? Знаменитость? Почему мы не считаем авторитетом умных, знающих людей, если у них нет миллиона на банковском счете? Ответ прост: нас заставили так считать. Важен каждый человек, кем бы он ни был. И ты тоже. Ты можешь просто заткнуть уши, забить на это, послать меня куда подальше, посчитать дураком, психом или вовсе уйти – это твой выбор. Я даю его тебе. В отличие от того общества, к которому ты привык. Не нужно быть интеллектуальным гением, чтобы просто посмотреть вокруг, увидеть, к чему все это привело, осознать, что в этом мире что-то не так... Прямо сейчас и прямо здесь – выбирай. Только прошу об одном: забей на то, чему тебя учили. Оставь то, что тебе говорили. Отодвинь все это и просто подумай. Действительно хорошо подумай над этим.

Я прекрасно понимал состояние Саши. Очень нелегко отказаться от того, чему ты верил с самого детства. Человеку всегда тяжело принимать тот факт, что окружающая действительность на самом деле не такая, какой он ее считал, в чем был убежден. Не важно, кем – другими людьми или собственными доводами. Человеку не хочется верить, что его безопасный, удобный и простой мир не таков, что он гораздо сложнее и глубже. Всегда проще жить в беззабот-

ном уюте. Чертовски больно и не охота отказываться от этого, разрушать сложившееся мировоззрение, признавать, что где-то был не прав, ошибался, подрывая тем самым веру в себя. Но нельзя вечно жить в иллюзиях. Нельзя тешить себя самообманом и лживыми надеждами.

– Обратного пути не будет? – Серьезный взгляд Александра коснулся моих глаз.

– *Разумеется, нет.* Ты полностью переосознаешь то, каким на самом деле является мир. Изменятся все твои мысли и отношение к действительности. Фактически, ты станешь иным человеком. Ты можешь не соглашаться с моей точкой зрения. Но возвращаться назад, в свой маленький ментальный кокон – значит отрицать правду, бежать от нее и от самого себя, бояться. Только пересилив это, *ты сможешь взглянуть глубже.*

– Это очень тяжело, Грей...

– Я знаю, я сам через это проходил и множество раз видел, как проходили другие.

– По крайней мере, в одной вещи ты точно прав... – Парень посмотрел вокруг – на туманное серое небо, на мертвые стволы деревьев, а затем его взгляд вернулся к моим глазам, – Что-то во всем этом точно не так. Я согласен. Не знаю, смогу ли я принять описываемое тобой положение вещей, но я хочу попробовать, *попытаться его хотя бы понять.*

Противное прерывистое попискивание прервало наш разговор. Будильник. Отодвинув рукав, я посмотрел на свои

часы. Посреди циферблата стоял добродушный рисованный белобрысый паренек в синем костюме, с желтым воротником и полосой, уходившей вертикально вниз, вплоть до пояса, руками указывавший на часы и минуты. Старая модель, видимо детская какая-то. Работало это чудо от батареек, коих разыскать – не большая проблема, а нашел я его во время одного из заданий. Механические часы, конечно, лучше, но дареному коню, как говорится, в зубы не смотрят. Иных у меня нет. Аксессуар, казалось бы, мелкий, но нечто эдакое в нем было. Какая-то отсылка к прошлому, что ли. Всегда любил я такие вещи.

– Ну, все. Пора спать.

– Постой, мы так и не договорили!

– Да, так всегда и бывает. На самом интересном месте. Первое, что я могу тебе посоветовать на этом пути тайн, друг мой, – это учиться терпению. С виду ты не предашь этому особого значения, но суть ожидания гораздо глубже, чем ты можешь сейчас себе представить. *Всегда нужно быть терпеливым.*

– Хорошо. Я попробую. Кстати, смотри, извержение, наверное, опять закончилось – с неба опять ничего не падает.

– Да, действительно. Несмотря на наступившие сумерки, ты все равно это заметил. Молодец. Надо тушить костер. Давай, помоги-ка мне...

Меньше, чем через десять минут мы уже лежали в берлоге, прижавшись спинами друг к другу. Так спать гораздо теп-

лее: происходит циркуляция между нашими телами, и если бы мы спали спинами на земле, имелся бы шанс отморозить легкие или почки, а так он гораздо ниже.

– Слушай, можно вопрос?

– Ну...

– А у тебя есть девушка?

– Понеслась звезда по кочкам... Ты его задаешь из-за того, что мы лежим в таком интимном положении?

– Да что ты, без задних мыслей.

– Ну, тогда ладно. Нет. Нету.

– А были?

– Были, да сплыли все.

– А много было?

– Много.

– Везет тебе.

– Ничего подобного. С такими, как я надолго не остаются.

Все, спи, разговор окончен.

Отрубился я почти моментально. Денек выдался насыщенным. Даже не успел поразмышлять во время дремы, чем я постоянно увлекался. Вот в студенческие годы проблемы со сном были большие. Точнее, с просыпаниями пар. Мог спокойно заявиться к концу четвертой или проспять все вообще. Не получалось, не хотел организм засыпать, пока в мозгу оставалось чувство незавершенности каких-либо дел на сегодняшний день. Разбудили меня мерзкие пiski, выплывшие в вернувшемся в тело сознании, и подталкивания

моего спутника.

– Зараза... Какого хрена, я же не ставил будильник... – Холод после сна в этой берлоге ощущался такой, словно ночевал, прижавшись к камню, – Во сне, что ли, он нажался... Каким, сволочь, образом...

– Блин, и не говори... Достал он меня! Несколько раз за ночь от него просыпался, а ты дрых, ничего не слыша... Будить не стал, подумал не стоит. – Поворочавшись за спиной, проворчал Саша, а сигнал тем временем уже отключился.

– Эх-х... Ладно. Давай, нужно подниматься. Уже пол, мать его, одиннадцатого. Неплохо мы так с тобой поспали.

– А я думал, у тебя сон чуткий. – Попытался Александр отвлечь меня на иную тему, чтобы не вставать. Знакомый ход.

– А он и есть чуткий. Просто за последние трое суток я спал очень мало и плохо: мест, подходящих своей безопасностью для такого удовольствия, как сегодня, было не найти. Вот организм, наконец, и взял свое. Давай-давай, поднимайся.

По первым признакам, никто к нам за ночь не приходил. Следов присутствия нежелательных гостей не было. Солнечные лучи, преодолевшие тонны всякой дряни в облаках и воздухе, разрезали всю лощину. Полупрозрачный желтоватый туманчик, вперемешку с нежными розово-оранжевыми небесами на востоке и серыми в зените, окутывал сонный лес. Плотность его была точно такая же, как и вчера. Камни и

мох, облюбовавшие все что можно, включая друг друга, сегодня как-то по-особенному радовали глаз. Черствые сосны не казались такими уж умерщвленными. Обожаю созерцать такие картины. Природа очень красива. Особенно в момент, когда она находится где-то между жизнью и смертью. А если еще и все остальное находится в таком же положении, то это *ближе моей душе вдвойне*. Осмотрев потухшее пепелище вчерашней «кухни-камина», мы отправились дальше, собирать дрова для приготовления завтрака. Палок еще много оставалось, нужно было просто пройти чуть подальше. И вот в этот момент пейзаж стал настолько сюрреалистичным, что даже такого романтика, как я смог удивить своим внушавшим наслаждением. Тысячи чуть заметных, крохотных теней начали ползать вокруг. Маленькие серые хлопья медленно западали с неба, словно плывя вниз, сквозь прозрачный океан воздуха.

– Вот это красота... – Сашка даже рот раскрыл от удивления, посмотрев наверх.

Белая нить тянется из губы, мягко и далеко. Рядом еще двое. Друзья. Летим вперед, за ней, как будто за веревку что-то плавно тащит. Холодно. Станный холод, необычный. В груди. Не ледяной, но глубокий... Нет. Нет груди. Нет туловища, нет рук, нет ног. Нет ничего. В метре от меня, в километре, в миле, за горизонтом... Нет горизонта, нет земли, нет неба, нет планеты... Нет ничего, лишь пустота. Холодно. Снег. Падает вокруг, медленно, текуче, тихо,

но ярко. Звонко. Остановились. Вспышка, огненный шар... Сфера... Внутри... Внутри меня, нет, больно, мне больно, не больно, не надо! Плохо! много! Слишком плохо! Много всего! Слишком много всего! Вспомнил! Нет! Вспомнил все!

– ...новилось, да?

– А? Что? Извини, задумался... – Ответил я, отойдя от воспоминаний.

– Как будто время остановилось! Как красиво...

– Это точно... Так. Стой! Смотри, я сразу не обратил внимания... Следы, видишь?!

– А? Да, действительно... Почти не разглядишь. Туда идут. – Спутник показал в сторону, противоположную той, откуда мы пришли.

– Если посмотреть, они от места костра идут. Я видел их, вчера. Подумал, они твои, ты дрова собирал...

– Я тоже их видел и подумал, что они твои, ты туда ходил...

Озадаченно переглянувшись, мы быстро отправились вперед, по протоптанному мху. Никого вокруг видно не было. Те же деревянные столбы, туман и пепел. Через сто метров картина не изменилась, что-то начало меня напрягать, что-то, чего я еще не понимал... Это воспоминание... Это было уже давно, несколько лет назад, почему именно сейчас я...

Мысль просто заткнулась. Да, так бывает. Даже закончиться не успела. То, что увидел и осознал, ничуть не об-

радовало. Дезориентировало. Хотя, в таком положении, дезориентироваться еще сильнее, наверное, очень трудно... Левее, метрах в сорока от меня, среди корней виднелся вход в берлогу. Теперь, приглядевшись, и зная, что конкретно ищу, увидел: следы заходили в нее, затем выходили обратно и продолжали идти дальше. Рывкнув «Вот дерьмо!», я побежал вперед. Саша кинулся вдогонку, не понимая причины, из-за которой его и без того странный попутчик рванул сломя голову. Я несся по следам. Они не делали круг, не сворачивали. Они шли ровно, прямо... Прямо ко вчерашнему кострищу. Взбешенный положением, я скинул на землю сухие палки и опустился отдышаться на тот же пенек, на котором сидел, объясняя вчера сотоварищу реалии мира. Проверил компас, закурил. Александр, кажется, узрел, что мы вернулись туда, откуда пришли, начал метаться из стороны в сторону, оборачиваясь и поглядывая на меня с побелевшим лицом, и разевая рот, словно рыба, оказавшаяся на берегу, пытавшаяся дышать.

– Бесполезно. Сядь, посиди. Отдохни. Далекое не уйдешь, поверь мне.

– Но... Как? Что? Что вообще за хрень? Как такое может быть?!

– Эти следы... *Они не чужие. Они наши.*

– В смысле? Что значит наши?! – Глаза парня чуть ли не вылезли из орбит.

– То и значит. Успокойся. Попытайся понять: это наши

следы. Сейчас объясню. «Стрела Времени», такое понятие... Современная физика подразумевает, что время течет наподобие стрелы, направленной из прошлого в будущее, но оно не совсем равномерно...

– То есть как?

– Здесь все завязано на гравитации и массе. Если просто... Как ты можешь знать, существуют объекты под названием «Черные Дыры». Мало кто точно знает, чем конкретно они являются, но общие черты тебе наверняка известны. Черные Дыры всасывают в себя все вокруг за счет их гигантской массы. Массы просто «мега-уровня». Имеют мощную силу притяжения. Время внутри такой дыры искажается относительно окружающего. То есть удаленный от Дыры наблюдатель будет видеть, как астероид, залетевший на границу Черной Дыры, начнет медленно терять в скорости и как бы зависать над ней, передвигаться медленнее. Но для самого астероида время и скорость внутри области воздействия Дыры останутся неизменными по отношению к тем, что были вне нее. То есть временная стрела внутри Черной Дыры идет вперед с меньшей скоростью, чем та временная стрела, которую мы берем за «эталон» – стрела наблюдателя. Дело в том, что время неоднородно само по себе. Вот тебе еще один простой пример: наша планета обладает куда меньшей массой, чем Дыра, следовательно, и время будет течь для нее по-другому. А вот эта вот иссохшая сосна обладает еще более низкой массой и гравитационным воздействием, чем наша

планета, так же и для нее время будет течь по-иному, нежели для Земли в общем. Понимаешь, о чем я?

– Да, понимаю. Не понимаю, при чем здесь то, что мы не можем выбраться из этого места?

– Хе-хе. Уясни вот что... *Запомни это на всю жизнь, до самой смерти: всегда существуют Причина и Следствие. Всегда следствие происходит из причины, его образовавшей, а причина создает то или иное следствие, выходящее из нее. Это закон жизни. Они всегда взаимосвязаны.* Мы попали в место, которое я называю *пространственным Волдырем*.

Взгляд Саши остался невразумительным.

– Так, понятно... Может быть, «Кольцо» или «Лента» Мебиуса – никогда о таком не слышал?

Спутник отрицательно завертел головой из стороны в сторону.

– Существуют места, где структура самого пространства сливается с чужим пространством, они расположены так близко друг к другу, грань такая тонкая и мягкая, что они просто соприкасаются. И через эту грань возможно пройти.

– Мы в другом мире?! Таком маленьком?! – Наконец-то осознал Александр.

– А кто тебе сказал, что миры обязательно должны быть

гигантскими или бесконечными? – Я улыбнулся, – Очень часто миры бывают очень маленькими, они могут быть всего лишь калькой, тенью какого-то иного места из иного мира, но являться чем-то отдельным. Пространство в них как бы замыкается, ты никогда не сможешь пройти дальше, ты не можешь нарушить границу этого мира, так как ты не в состоянии обойти его физические законы. Подчас выбраться из таких Волдырей назад бывает очень сложно. Также, логично и следующее следствие: раз это отдельная микро-вселенная, она имеет свою собственную глобальную массу и гравитацию относительно другой, в данном случае – «нашей». То есть этот Волдырь имеет свою собственную временную стрелу. Время в нем идет по-другому относительно нашей Вселенной, из которой мы сюда попали.

– И что произойдет, когда мы выберемся из этого «Волдыря»? Сколько времени нас не будет в нашем мире?

– Не знаю. Возможно, пройдет секунда. Возможно, пройдет год. Все зависит от отношения течений времени двух миров относительно друг другу. Потому, тебе и показалось, что время здесь словно остановилось. Появилась этакая фрустрация. Здесь оно имеет свои свойства. Следы появились лишь за счет того, что мы когда-то, в каком-то моменте времени уже прошли этой дорогой... Этот Волдырь соприкасается с нашим миром. Следы остаются в обоих мирах... Но из-за различия скоростей стрел мы смогли увидеть их тут, хотя еще не совершили их там, *создадим лишь в нашем, лич-*

ном будущем.

– Черт... – Саша провел ладонями по лицу, будто снимая усталость, – Как же все это закручено... Мозги путаются.

– А я вот *обожаю* такие вещи.

– И как же нам выбраться отсюда? Нужно найти это место соприкосновения миров, верно?

– Понимаешь, тут такая смешная штука... Пересекая границу из нашего мира в этот, мы оказались по другую сторону барьера, и далеко не факт, что выход изнутри Волдыря находится там же, и с теми же условиями, что и вход с нашей.

– И насколько мы можем тут застрять для «нашего личного времени»?

– Иссохшие кости того медведя в берлоге... Мне кажется, его никто не убивал... Он умер своей смертью, причем давно.

– Шикарно! Мы сдохнем здесь от голода и жажды! Нет уж, по-моему, это все похоже на бред.

– Хорошо, а как ты объяснишь то, что *тень от дерева падает на твоё лицо так же, как и вчера вечером, хотя сейчас утро*? Человеку свойственно отрицать то, чего он не понимает, и что ему угрожает, заменяя это на лучшее для него, более простое и понятное.

– Вот дерьмо... А разве не стоит попробовать? Зачем сидеть, сложа руки? Можно обходить все направления от кострища, может, найдем выход?

– Не-а. Не найдешь. Ты видел здесь кучу линий из сле-

дов во все стороны? Они только одни. Мы могли уйти только этим путем. Твоего и моего тела здесь тоже нет, следовательно, мы смогли отсюда выбраться в еще несуществующем для нас будущем.

– И как это сделать? Как создать такое будущее?

– Хах... «Создать»... Вот, видишь! Уже начинаешь мыслить конструктивно!

– Сам удивляюсь себе.

– Привыкай. Теперь ты часто станешь удивляться. Как выбраться отсюда – еще не знаю. Мне нужно время подумать. Кофе будешь?

– У тебя и кофе есть?

– Конечно. Я обожаю кофе, с утра всегда пью. Взял с собой в большой фляге. – Достал из рюкзака благородный напиток, сделал несколько глотков и протянул сосуд довольному спутнику.

– Бли-ин, оно же холодное!

– Разумеется. Я же его во фляге ношу, а не в термосе. Да и столько дней... Для меня холодная еда – это нормально. Не переносу горячие напитки и блюда с детства.

– Странный ты.

– Я знаю. Так, а теперь мне надо попробовать кое-что сделать...

Будильник в часах дал о себе знать. Мое лицо результативно выдало гримасу откровения.

– Ух, твою ж мать... Точно! Всю ночь пищали, говоришь?!

Тень, часы, пепел... Вперед, побежали! Время! Время! Время!

– Куда? Куда бежим?! – Вскрикнул ошеломленный Саша, вскочив с полена вслед за мной.

Через десять минут активного передвижения в пространстве на своих двоих туман наконец-таки поредел, и перед нами представилась болотистая низина.

Глава 14: Немного снисходительности к Небу

Фоновый шум лягушек, сверчков и прочей болотной живности радовал слух. Не так одиноко становилось. Ощущение того, что мы последние двое представителей жизни на планете отступало. Камыша здесь было много, стены лабиринта этого пушистого растения не позволяли видеть дальше себя. Хотя рос он и не повсеместно, довольно часто нам представлялась возможность лицезреть окрестные топи. Участки воды были совершенно разного размера – от небольших лужиц и до маленьких озер. Болото явно не было полностью стоячим: слабые рябь и колыхания все же присутствовали, где-то рядом должна была быть река, порождавшая этот разлив.

Мох под ногами противно хлюпал и чавкал. Несмотря на то, что здесь было достаточно островков, местами казалось, что я шел по гигантскому водяному матрасу или батуту. Такие участки очень опасны, под ними лишь вода и трясина, а провалиться в темно-бурую грязь и медленно захлебнуться – не лучшая перспектива, особенно после выхода из пространственного Волдыря. К слову, своеобразные волдыри имели место и здесь, только, к нашей радости, газовые – бульканье и глухие хлопки болотных пузырей то и дело слышались во-

круг нашей тропы.

Как только мы выбрались из той ловушки, я тут же глянул на часы. Рука паренька, до того направленная указательным пальцем на минуты, теперь показывала мне средний. Пришлось ответить маленькому ублюдку тем же. Культура общения, как-никак – нужно соблюдать выдвигаемые одной из сторон критерии приличия. Подобное выражение улыбавшегося человечка означало разряд элемента питания механизма. А вот с компасом все было в порядке. Шикарно. Теперь я остался без часов... Спектр местных звуков вообще отличался разнообразием, значительную роль в котором играли гады живые – это мешало мне ориентироваться на слух, подмечать присутствие возможных противников, да и вообще контролировать ситуацию – через заросли камыша-то на глаз тоже мало чего определишь.

На одном из островков сквозь высокую траву торчала чья-то нога в камуфляже и тяжелом ботинке. Александр приблизился ко мне и тоже ее увидел. Быстро достав нож, я ткнул в пространство между массивным элементом обуви и штаниной – реакции не последовало, мертвец. Осторожность никогда не бывает лишней. Кто знает, какие суетные радости может подкинуть Армагеддон? Аккуратно вытащив тело на свободное от растительности место, увидел: голова этого человека была превращена практически в ничто какой-то пулей. Саше данный портрет не очень понравился и в доказательство он выпустил через рот поток содержимого желудка,

состоявший из вчерашнего ужина и утреннего кофе, прямо туда, где ранее лежал неизвестный солдат. Ухмыльнувшись в ответ на подобную реакцию, я посмотрел на расстроенного товарища. Глаза мои при этом выразили полную серьезность.

– Первая мысль при виде трупа?

– Буе-ать, кха-кха...

– Чего?

– Блевать!

– Ответ отрицательный! Первая мысль при виде трупа: «Обыскать!».

– Но это же мародерство! Это неправильно! – Возразил спутник.

– Неправильно – это когда человек мертв, а при нем имеется куча вещей, ему уже не нужных, которые могут помочь сохранить жизнь другому. Иначе никак. Мы же не убили его, не лишили жизни за какие-то материальные безделушки, и не способствовали этому, и не раскапывали его могилу, чтобы поживиться. Мы просто нашли его бездыханное тело и никак не смогли ему помочь. Если хочешь – называй это грабительством. Я так не считаю.

– Ну, если так на это посмотреть... Ты прав.

– *На дворе закат Мира. Каждый выживает, как может. Главное – моральной сволочью не становиться, и помогать другим, если это в твоих силах.* Помни: сначала нужно убедиться, труп ли это, а потом уже обыскивать. Так, я сейчас

сниму с него форму, броник, разгрузку и рюкзак, а ты одевай. Размер вроде подходит. И ботинки тоже. Все целое, вроде.

– Нет! Зачем одежду-то снимать?

– Затем, что ты в своем гражданском тряпье далеко не уйдешь! Я же не трусы стягиваю. Ему не повезло, погиб. Повезло нам. Все просто. Камуфляжная форма – отличная штука. Помню, мы как-то с другом искали одно местечко в лесу... Это еще задолго до Светопреставления было, так вот: я потерял его из виду, начал оглядываться по сторонам, прислушиваться, и тут – бац – голос рядом со мной: «Эй, ты чего?». Друг всего лишь на десять метров отошел, а я его из-за густой растительности вообще разглядеть не смог. В зрительной картине так и сформировался из листочков, представляешь? У этого погибшего, конечно, менее скрытный цифровой вариант лесного камуфляжа, введенный в Вооруженные Силы незадолго до Катаклизма, но тоже сойдет. Мне куда больше старая, пятнистая форма нравится, да и материал у нее получше, покрепче будет. Вот, посмотри на мой нынешний флектарн – даже проветривание для подмышек имеется, чтобы пот внутри не оставался. Шикарная вещь. У нашей старой тоже такая фишка была.

В рюкзаке также обнаружили сухпай, аптечка, два магазина патронов калибра девять на тридцать девять и хорошенький противогаз с парой фильтров. Вот так повезло. Интересно, почему этот сержант Регулярной Армии не нацепил

его на голову, если имел? Обычно, разведкорпуса всюду носятся прямо со слонами на мордах. Судя по состоянию тела, солдат умер совсем недавно.

Рядом с бывшим внутренним содержимым пищевого тракта моего спутника валялся практически не заляпанный, снабженный пламегасителем спецавтомат – отличная пушка наших особых подразделений. Странно конечно, что «глубокая разведка» была так плохо экипирована. По идее, они должны выглядеть гораздо круче. Как только Александр влез в новое облачение, которое ему так понравилось, и я закончил подгон его разгрузки, издали послышались звуки работы вертолетного двигателя. Это было очень плохо. Услышали приближавшуюся машину не только мы. Метрах в пятистах от нас, сквозь камыш и деревья, кто-то начал говорить о приближении вертушки. Группа людей, судя по речи и мату, русскоязычная, а обладатели вертушки явно не были их друзьями. Палились ребята, причем весьма глупо... Хотя, если они уверены в своем превосходстве перед возможным наземным противником... Наверняка, они и порешили этого сержанта. Тут два варианта, точнее один, но с возможным подтекстом: либо просто мародеры, либо еще и рейдеры.

– Давай сюда, прячься! – Крикнул я Саше и юркнул в траву. Нога, кажется, легла на какой-то камень. Неудобно, но терпимо.

– Там же моя блевотина!

– Что ты предпочитаешь? Лежать в собственных испраж-

нениях, или же в собственной крови? – Спутник быстро раскинул приоритеты и уже через секунду, недовольный и ущемленный, лежал рядом со мной. Ничего, привыкнет. Судьба лицом в дерьмо еще не раз окунет.

Звук двигателей значительно усилился, практически полностью поглотив все вокруг. К сожалению, именно двигателей. Вертолета было два. Сквозь гул просочились трескучие выстрелы – эти идиоты открыли огонь по боевым летательным аппаратам. Причем из чего: укороченные автоматы, блин! Ребята явно не дружили с головами, лучше бы прятались. При попытке высунуть свой хеад мне пришлось вжаться в землю еще сильнее – машины сделали вираж прямо над нами. А вот это уже загрохотала тридцатимиллиметровая пушечная установка. Подобный аргумент способен до смерти убедить кого угодно в своей правоте. Надеюсь, пилоты нас не заметили – маскировавшая нас трава на пару секунд оголилась, когда те прошли рядом. Вторая попытка «разведки» удалась: один транспортный и один штурмовой, оба отечественные. Интересно, а зачем было гнать сюда штурмовик... На свой вопрос мне очень так дерзко и наглядно ответили: из транспортника выпала металлическая бочка. Странно, на бомбу это не... Да что там за фигня такая у меня под ногой... Как оказалось, был это вовсе не камень, а радиопередатчик. Это многое разъяснило. Ситуация стала еще хуже, когда из сброшенного сосуда выстрелили струи серо-желтого газа, а носа вертолетов направились в нашу сторону.

– Мать твою... Это ж, блин, хлор!!! – Взревел я.

– Он опасен, да? Да-а?! – Завопил Сашка.

– Живо надевай свой противогаз, и откупоривай фильтры! Убедись, что кожа голая нигде не вылезает, ворот поправь! Будем сваливать!

– Там же группа людей!

– Это уже группа трупов, если у них нет протвеной. Вот, держи трофейный ствол, он с глушителем. В магазинах по десять патронов, у вояки были от снайперской модификации. Для тебя эта пушка вообще сейчас выигрышная. Я буду отвлекать основную массу на себя, мой автомат грохочет четко, а ты пробирайся следом, тихо и аккуратно, но быстро и незаметно, через траву. Следуй по пятам, не провались в трясину. Упираешь оружие в плечо, целишься через мушку и хреначишь. Про патроны не забывай – это тебе не компьютерный шутер, опустошенность магазина на зрительный нерв волшебный интерфейс не выведет. Готов?

– Откуда ты знаешь, может они нам не...

– Готов?!

– Да!

– Вперед! За мной, дистанция семь-десять метров!

Транспортник продолжил кидать распылители, а вот хищное туловище штурмовика пошло на удаление – поняв, что угрозы для «бомбардировщика» здесь нет, пилот командирского вертолета счел необходимым не растрачивать боезапас и горючие, и вернуться на базу. Такой вот штурмовик – за-

мечательная машина. Прекрасная маневренность, хорошее вооружение и неплохая броня делают его воистину королем небосвода. Жалко, что у Анклава нет такого... Хотя у всех свои козыри в рукавах.

Ядовитый туман начал наползать и окутывать видимые участки болота. Гоп-стоп-компания уже извивалась внутри него, пытаясь чем-нибудь досадить вертушке. Без гранатомета, тяжелого пулемета или хотя бы хорошей крупнокалиберной снайперки это трудновыполнимо. Неизвестные, как я и предполагал, оказались нам не друзьями и первыми открыли огонь. К счастью, газ мешал им прицеливаться и оказывал не самые позитивные воздействия на их тела – ребята мучились. Несколько пуль прожужжали рядом со мной, но двоих человек мне таки удалось снять. Как только я дернулся на следующий забег, правая нога провалилась в коричневую жижу – недосмотрел. Напор адреналина и рефлексy, тем не менее, позволили мне выкарабкаться из неудобного посреди боя положения. А вот ствол, нацеленный абсолютно на меня всего лишь в двадцати метрах от своего организма, я не углядел. Зато его обладателя углядел Сашка, тем самым спасши мне жизнь. Выпустил он сразу три пули, чтоб наверняка, чем пробил засранцу ключицу и размозжил лоб. Повезло. Несмотря на то, что ситуация, казалось бы, была патовая, Александр не тормознул и сделал все вовремя, как надо. Быстро учился парниша, очень быстро.

– Давай сюда, вперед! – Кричать в противогазе мне было

неприятно и практически бессмысленно.

Пока вертолет изучал скопление наших противников и вручал им еще подарков, что на мой взгляд было уже лишней тратой химикалиев, мы смогли удрать на добрые пару сотен метров от токсичного облака. Камыш здесь почти не рос, проявились редкие деревья и виднелась граница болота – далее ландшафт поднимался вверх ступенчатыми склонами. То, что нужно. Хлор оседает в низинах и *не* поднимается ввысь. Плюс вступит в реакцию с водой и останется здесь. Жаль, болото будет отравлено. Дозиметр не сообщил о загрязнениях, можно было бы воды набрать во фляги и таблетками очистить, но лучше теперь не рисковать. Пилот, по-видимому, все же успел нас заметить, или же ему сообщил о нас уже улетевший второй. В любом случае с группой некультурных расхитителей было покончено, и механическая птица решила проверить, остались ли выжившие и нужно ли куда-нибудь снести яйцо. На самом деле, я бы сам с радостью снес яйца человеку, сидевшему в кабине, но ничего подходящего среди экипировки и используемого окружения не было, потому и отдал единственную совместимую с жизнью команду на данный момент, к которой мой друг уже начинал привыкать.

– Ложись! В траву, скройся!

Саня немного не рассчитал финальную точку падения и плюхнулся хоть и в достаточно густую растительность, но с подавляющим количеством влаги на квадратный метр: ноги

его ушли в воду. Нетренированный человек, прыгнув вперед, не может упасть плоско, соприкоснувшись телом равномерно со всей поверхностью – организм рефлекторно выгибает коленки для приземления на них, таким образом, зачитывая попытку самосохранения – это в данном случае и помогло юному бойцу не погрузиться целиком.

Вертолет пролетел над нами, обнаружить не смог, развернулся и поискал выживших в другой части болота. Через несколько минут лишь далекий звук стучавших поршней напоминал нам о летающей консервной банке с боевой химической начинкой. Зато во время ее подлета ядовитый газ добрался и до нас. Без экипировки и противогазов дела бы наши были плохи, а так – быстро удрали от едкого вещества и начали подъем по небольшим склонам. Я-то промок достаточно терпимо, хотя ногу было бы неплохо и просушить, а вот Саше крайне не повезло – если он и дальше будет ковылять в таком виде, то точно застудится.

– Круто это было. Видел, как я того парня снял?

– Хорошая работа. Без тебя я бы там и растянулся. Спасибо.

– Да что ты, пожалуйста. Ты ведь меня в церкви спас. Считай, квиты.

– Это точно.

Сейчас паренек довольный и радостный, но это пока: мозг еще целиком не осознал, что совершил убийство человека. Когда напор адреналина схлынет, волна эйфории пройдет.

Тоже защитная реакция сознания – заменить чувство страха и совести за лишение жизни на общую нервозную веселость. Хотя, конечно, каждому свое. Я вот, например, такими проблемами не страдаю. Самое главное – чтобы мальчишка не вошел во вкус, не пристрастился к убийствам, иначе хроново все будет.

– Сань, прислушайся ко мне, пожалуйста.

– Да, Грей?

– Пойми прямо сейчас... Убивать людей – это плохо. Очень плохо. Так же, как и убивать вообще, в принципе. Каждое существо достойно жизни, иначе бы оно просто не появилось на свет. Насколько бы плохим или хорошим оно бы не казалось по отношению к тебе. И даже если оно считает, что ты должен умереть. Убивать нужно лишь в том случае, если иного выхода не избежать. *Только, и только тогда, понимаешь?*

– Да... Кажется, понимаю... Но там, во время боя... Я почувствовал что-то... Нечто такое... Словно кровь закипела, звала... Нет, призывала нажать на спусковой крючок.

– Это чувство обыкновенно. Все его рано или поздно ощущают. Его удовлетворение вызывает внутри тебя сладость, этакий экстаз... Но с ним нужно бороться. Нужно контролировать его. Держать в рамках. Не позволять себе делать больше, чем нужно и должно. Ты должен сопротивляться этому звериному зову. Научиться делать это тяжело. Не каждый на это способен.

– А почему ты считаешь, что я смогу? Почему ты нянчишься со мной все это время и, до сих пор, не пустил в расход? Твой взгляд, походка... В церкви, на болоте... Каждое твое движение холодно, выверено и напрочь лишено чувств... Сразу видно: ты убивал и готов убить еще раз, всегда. Почему же ты пытаешься учить меня? – Александр перекрыл мне дорогу и устоял в ожидании ответа.

– Потому что ты хороший человек.

– Не бывает плохих и хороших людей! Такова жизнь! Она все решает!

– Глупости! – Пришлось и мне рывкнуть, чтобы удержать доминирующую позицию в диалоге, – Люди делают свой выбор. Выход есть всегда и из любой ситуации, пускай и не всегда приемлемый для нас! И мы сами выбираем, идти ли нам на поводу у своих желаний, или поступать иначе, руководствуясь здравым смыслом, логическими и моральными суждениями! Ситуации бывают плохие и хорошие для нас, но свой взгляд на них ставим мы сами!

– И ты считаешь, что я делал правильные выборы в течение своей жизни?

– Не могу сказать за все, но то, что сейчас я вижу перед собой, утверждает мне: «Да».

– Ты рассматриваешь всех людей как логическую цепочку их выборов на протяжении жизненного пути?

– Да. – Уже более спокойно ответил я.

– Но у них же есть еще чувства, эмоции, история, то, какие

события они пережили вне зависимости от того, хотели ли они, чтобы те с ними приключились!

– И я тоже беру это в расчет. Но результаты их выборов среди личных чувств, мировоззрений и независимых событий, в сущности, и составляют их жизненный путь, не так ли?

– Уф-ф... Действительно. Раньше я не пробовал смотреть на людей таким образом.

– Попробуй, тебе понравится... Ты прав, я неоднократно был убийцей, и максимально использую свои навыки и возможности. И беру на себя всю ответственность, осознаю ее. Но при этом я делаю все, что могу ради общего благополучия. Взгляни по сторонам. Я считаю свой выбор верным. Ведь если сидеть, сложа руки, и ни черта не делать, то все мы в скором времени окажемся в заднице. При чем в такой, из которой ни одна диарея не выбьет.

– Я подумаю над этим... А сейчас давай сменим тему.

– Пока врагов вокруг не подразумевается, и пространство открытое – давай. О чем хочешь поговорить?

– Мне интересно: как ты понял, что именно в тот момент можно выбраться из Волдыря?

– Все достаточно просто. Я еще тупанул... Непозволительно это, могли бы погибнуть.

– Слушай, сам расслабься. Я уже убедился в том, как ты выживаешь даже в самых плохих ситуациях. К тому же умудряясь живым вытаскивать из них и меня.

– Спасибо... Только это ничего не меняет. Тупить нель-

зя. Один раз оступишься – труп. *Жизнь не будет выяснять причину, почему ты это совершил.* Так вот: все дело в часах... Помнишь, когда мы оказались внутри этой микро-вселенной, начал сыпаться пепел, так? Через полчаса он закончился. Десять минут его не было, затем снова пошел... Точнее, не «снова», а «по второму кругу».

– В смысле?

– В прямом. Здесь мне помог будильник на часах. Ты сказал, что он всю ночь врубался. Вспомни: я ставил их на полчаса, так?

– Ну да.

– В первый раз он сработал вовремя... А потом пищал каждые *сорок* минут, ведь я включил его как раз, когда пепел пошел.

– Но как такое может быть? Это же временное искажение, правильно?

– Правильно. Понять это мне также помогла тень, которая осталась на вечернем месте даже утром. Нарушение оптических законов, физики света... Пока я не могу дать этому точное объяснение...

– Да неужели? А я думал, ты знаешь все на свете.

– Представь себе – нет, – Я улыбнулся в ответ спутнику, – Но единственная вещь, которая, по моим понятиям, может повлиять на нарушение подобных законов, связана с пространством и временем. Вполне возможно, Солнце в том Волдыре было «нашим», как и его движение, а вот тени от

источника света, как и весь Волдырь, были... *Сленком*. По какой-то неизвестной мне причине «снялась калька» с этого куска пространства в нашем мире и встала на бесконечный «повтор». Ну, как кино на повтор в проигрывателе поставить...

– Да понял я.

– Волдырь образовал собой повторяющуюся в течение тридцати минут реальность, затем «запись» заканчивалась, но не начиналась моментально заново, а образовывался десятиминутный промежуток – момент сопряжения временной линии с нашим миром. Что-то вроде канала для «догрузки информации», который почему-то не работал, поскольку раз от раза прокручивался один и тот же сценарий. Именно в этот момент перегородка вновь размягчалась, появлялся шанс пересечь ее.

– Но почему скопировались лишь полчаса нашего мира? И почему именно те, а не какие-нибудь другие?

– Я полагаю, Волдырь формировался в течение этих минут. Учитывая, что в нем падал пепел, возможен лишь один вариант: данный микромир образовался после начала Катаклизма. Ведь ранее в этих районах ничего не извергалось.

– Блин, все это очень интригует... – Неожиданно для себя произнес Саша.

– Это хорошо. Развивать кругозор и знания, свой разум – всегда хорошо. А пока что – хватит. Мы достаточно проболтали в пути. Пришло время сосредоточиться на окружа-

ющей обстановке.

Ближе к вечеру мы добрались до той самой отметины на карте, к которой я и держал путь. Очередная контрольная точка похода. Ландшафт вокруг лежал очень холмистый, со всех сторон склоны и овраги. В одном из таких небольших ущелий стояла деревянная хибарка. Обычно такие дома назывались «временками» – хозяева сначала строили небольшой дом, чтобы было, где жить во время постройки основного, большого. В случае с этим местом судьба распорядилась иначе. Деревянная коробка стояла уже около двадцати лет.

Кстати и деревьев здесь тоже хватало. На некоторых даже начали цвести почки, а самые удалые и полные жизненных соков обзавелись молодыми листочками. Устоявшийся тысячелетия назад климат разрушался вместе с сезонами. Привычные понятия растворялись на глазах. Катаклизм менял все. Сосны и ели здесь тоже имели зеленый окрас. Чем ближе мы приближались к центру оазиса, тем живее и ярче становилась природа... Будто и не было Апокалипсиса. Незаметно для себя, мы поднимались все выше. Температура здесь уже была на пару градусов ниже, чем в Назии, да и ветер разгуливался среди лабиринтов вековых впадин и возвышений.

Мир вокруг больше не был абсолютно серым, появились свежие краски, и сквозь надоедливые облака проглянули лоскутки чистого голубого неба и яркое солнце. Мало кто теперь мог похвастаться тем, что наблюдал подобный пейзаж. Я вот мог... И это добавляло нечто такое... Некую уве-

ренность, что еще не все кончено. Путешествие сквозь око внутри огромного шторма давало мне силы. Конечно, я и так прекрасно знал: есть еще шанс все изменить, но... Созерцание данного, пребывание в нем было для меня самым ощутимым доказательством из всех доступных мне сейчас. Каждой клеточкой своего тела, каждым нейроном своего мозга я впитывал дивную красоту оживавшей природы, возрождавшейся в этих краях назло всему остальному миру.

Во время пути нам пришлось немного задержаться, чтобы обработать специальным раствором некоторые участки кожи. Хлор – опасная штука. Хотя мы и не попали под его прямое воздействие, лучше было применить этот санитарный пакет, раз уж он имелся в рюкзаке. Честно говоря, я понятия не имел, что это за штука – какая-то желтоватая жидкость в прозрачном пакете, похожем на те, которые ставят в капельницах, сохранилась еще с конца советской эпохи. Указания к применению подходили под наш случай, да и тащить на себе меньше. В дом мы вошли, как полагается – мой новый компаньон учился прямо на глазах: оружие наготове, прижато к плечу, взгляд бегаёт, уши слушают, мозг переваривает. Потенциал у паренька большой.

Стекла в домике, разумеется, были давно разбиты. На веранде стояла старая газовая плита, питавшаяся от переносного баллона с пропаном, и висел умывальник. Комната тут была только одна – с двумя кроватями, раскуроченным шкафом, некогда заполненным посудой и другими обеденны-

ми принадлежностями, столом с несколькими стульями, и небольшой печкой – не той, которая «русская», огромная, а другой, более мелкой, выложенной из кирпича, с выходящей на крышу трубой. Обои отклеились и свисали, дождь явно был способен пройти сквозь потолок. Около ковра, у одной из кроватей, стоял холодильник. Небольшой такой, беленький, стандартный «Совок», только с парой магнитов в виде фруктов на дверце. Из этого места вышел бы неплохой аванпост Анклава, но находилось оно слишком далеко от подконтрольных нам территорий. Поэтому было решено использовать его именно в таких целях – для отдыха или ночевки во время заданий. Пустой холодильник стоял на своем месте не просто так – своеобразная маскировка, под его дном находился люк в подпол.

Отодвинув рефрижератор, и заглянув вниз, я обрадовался, что все было цело. И даже больше, так сказать. Расхитители пока ни разу не догадались передвинуть заветный предмет-страж и обчистить наш тайник. Переносная радиостанция, топливный электрогенератор и запас горючего лежали на своих местах. Помимо ожидаемых вещей, я также обнаружил банку ананасов, зеленых оливок, фаршированных перцем, две банки с тушенкой, две бутылки с водой и венец этой маленькой съестной коллекции – стеклянный сосуд с вином. Напиток – муть, дешевка, но что еще воспринимать за подарок от высших сил, как не такую вот мелочь, дарующую тепло в груди и душе среди мрачных времен? Тьма сгущает-

ся перед рассветом, а бокал выпивки в нужный момент воссияет не хуже любого маяка, указывающего на верный путь. Санек с предвкушением оценил предметы будущей трапезы, вежливо оставленные про запас кем-то из наших.

После того, как мы вместе выволокли из подпола радиопередатчик и генератор, я забрался на крышу дома и установил антенну, которая также, в разобранном состоянии, была снякана от нежелательных гостей. Обзор местности с этой высоты не стал откровением – из-за окружавших хибарку холмов далеко мой взор не ушел. Кто знает, какие биологические формы жизни могли пройти по этим местам. Придется спать по очереди. Это еще хорошо, что я смог безбоязненно отдохнуть в Волдыре столько времени, сколько необходимо моему организму для восстановления сил. Саша уже приступил к распечатыванию еды, а мое сознание потребовало совершить «маленький ритуал» для тела: спрыгнув с козырька, лег на редкую зеленую траву и полностью расслабился. Как же я обожаю совершать это незатейливое действие – просто взять и полежать на траве, и не важно, где я находился и что делал до этого. Нечто таинственное, тонкое, но такое мягкое и родное, соприкасалось с моим телом в эти минуты. Именно тогда я и начинал ощущать простую истину: *весь мир един, а я – его часть*. Перистые облака осветило желтым угасавшее на горизонте Солнце, и где-то там, где сейчас наступал рассвет, мрак серых туч благоволил кошмарным существам, прибывшим сюда в момент разрушения этого мира. Но сей-

час, конкретно в данную секунду, мне было наплевать. Наплевать на все это. Я просто жил, довольствовался тем, что существую. *Чувствовал Землю, наш общий дом.*

В гаснувшем небе загорались планеты – за счет того, что они расположены к нам гораздо ближе, чем звезды, их становится видно раньше, еще на закате. Только сейчас я обратил внимание, как около одного из облаков тянулась тонкая струя конденсационного следа самолета. Присмотревшись, мне удалось разглядеть маленькую подвижную точку в начале этой струи, но как только я сконцентрировал на ней свое внимание, та растворилась, распоров облако пополам, словно поняв: я за ней наблюдаю. Не заметить, что и остальные облака на пройденной части пути также были распороты, было не возможно. Через несколько секунд прозрачную тишину вечера взорвало объемным хлопком. Из дома выбежал Александр, с бесшумным автоматом наперевес.

– Ты слышал? Что это было?

– Не паникуй, – Ответил я, поднявшись с травы и принявшись отряхиваться, – Это всего лишь самолет. Перешел звуковой барьер.

– Вон там? Где облако на две части разделено?

– Да. Видимо, разведчик. Ничего особенного... Пойдем, поедим.

«У России нет таких технологий. Скорость этого летательного аппарата была просто феноменальной, да и рядом нет необходимых для взлета и посадки аэродромов или полос.

Выпускать разведчика сейчас – это глупо. Он просто не сможет летать и потеряет управление, учитывая ситуацию в атмосфере. И в Аквилоне никаких упоминаний об активности Военно-Воздушных Сил не фиксировали... Странно... Ладно, позже соображу» – Подумал я, не подав вида спутнику.

Ужин сильно обрадовал своим вкусовым разнообразием – сейчас уже и не найти оливок, тем более моих любимых. Все деликатесы, что были, в первые недели растащили. Такой уж у нас народ – к триндецу мы всегда готовы. Уж целый век, считай, только им и живем. Правда, в последние годы нам эту долбанную европизацию навязали, чтоб, мол, мировым стандартам соответствовали. Только вот страну медведей не так-то просто на задние лапки поставить. Дебилов много, но крепкие суровые ребята, болт на чужие мнения клавшие, как жили, так и будут жить.

– Как же все плохо у нас получается, в последнее-то время. Совсем скатились.

– Это ты к чему? – Кровь сейчас больше к желудку прилиwała вместо мозга, за Саниной мыслью я уследить не успел.

– Это я о мире.

– А раньше что, лучше было?

Стандартное сообщение-призыв по радио я уже отправил, антенну мы сняли, все положили обратно, можно было и поговорить.

– Конечно, лучше.

– Эх-х... Смотрю вот на тебя, и немного завидую. Наив-

ный ты, Саша. Думаешь, все так легко устроено.

– А как устроено? Как? Расскажи, если знаешь! Ты, между прочим, еще в Волдыре обещал рассказать, а сам на потом оставил.

– Ты какой религии? В кого веришь?

– Какое это имеет значение?

– Совершенно прямое. Так что, какой?

– Ну... Честно говоря – не знаю. Я и раньше-то особо не задумывался, а после Большого Песца, и того, что потом увидел – вообще суть потерял.

– Хорошо, а твои родители?

– Православные, как и все.

– Сильно верующие?

– Не то, чтобы очень, но достаточно. Тока все равно не въезжаю, к чему ты это? Неужели, промывать мне мозги про Бога решил, типа в нем все спасение?

– Хах... Недооцениваешь ты меня. Ни в какую секту обращать тебя никто не собирается, не паникуй. Какой смысл лишать девственности те мозги, которые и так имеют каждый день?

– На что это ты намекаешь? – Александр поднялся и приклонился спиной к стене, воссев на кровати.

– Ты только в драку не лезь. Понимаю, кулаком мне в челюсть, наверняка, уже двинуть хочешь. Любой так может. Я это все не для наездов и холивара говорю, не для оскорбления твоих чувств, ни в коем разе, а всего лишь побуждаю,

чтоб ты сам разобрался. Для того и нужно учиться терпению и толерантности в мыслях. Теперь мы с тобой больше друг к другу притерлись, ты меня ближе узнал, чтоб разговор на такие темы личные начинать.

– Ну да. В Волдыре я бы тебя сразу послал... А тут еще подумаю. Так, что там?

– Что недавно опустилось за горизонтом?

– Солнце?

– В нем-то и все дело! Солнце – это основа всего. Человечество издревле поклонялось Солнцу. Эта звезда согревает нас, помогает выращивать пищу, и, проще говоря, дает саму жизнь. Также Солнце истребляет тьму, зло и демонов ночи. Символизирует добро. И именно ему множество людей неосознанно поклоняется до сих пор, если взглянуть на отправную точку этих верований.

– Да ты что? Я просто не силен в этом...

– Если бы мир не рухнул, я бы посоветовал тебе самому поискать побольше информации об этом в Интернете. Кинь мне зажигалку, пожалуйста, она около кровати, на моем рюкзаке лежит.

– Держи...

– Спасибо. Так вот, стоящие у власти лица с давних времен использовали религию и верования людей в некие высшие силы как средство контроля над ними, беря в заложники не что-нибудь, а саму их душу. Вожди разных народов, как в том же древнем Египте, навязывали какие-то свои, вы-

годные в первую очередь им, «священные правила», нарушение которых обещало человеку высшую кару и вечные муки. А себя такие руководители по-всякому приближали к какому-нибудь богу, которому следовало поклоняться, а значит – подчиняться и им самим. И уже тогда построенная ими система была тем еще дерьмом для большинства людей, если уж рассуждать откровенно, а не только сейчас таковой стала, как ты сказал. Конечно, к двадцать первому веку очень многое изменилось. Но мы все еще на той же планете живем. И среди того же самого человечества, пусть и технологически развитого.

– То есть, что же получается... Верить ни во что не нужно? Это все обман?

– А здесь, Александр, все очень интересно... – Поток сизого дыма улетучился из моих легких, – Я не говорю, что не надо верить! Наоборот, вера – это самое главное в жизни. Человек без нее не может, такой уж парадокс. Просто «подчинение» и «вера» – это разные вещи. Нужно знать и понимать, осознавать то, во что ты конкретно веришь. Не идти на поводу у заинтересованных лиц, а верить самому, по своей воле. Я считаю, что вера не является истиной, если человек не формирует ее сам и для себя самого. И иначе действительно невозможно! Подумай над этим.

– А ты сам, во что ты веришь, Грей? К какой религии ты принадлежишь?

– Я не принадлежу ни какой религии. Но соотношу свои

взгляды с Буддизмом, так как на его основах они и были сформированы. Буддизм – это вообще классная штука, и одна из самых «безопасных» религий, поскольку не является религией в привычном понимании. В нем нет тех, кому нужно поклоняться. Если проще, Будда – это название статуса человека, за свою смертную жизнь достигшего просветления. Последнего такого звали Гаутама Шакьямуни. Никаких богов, требующих безоговорочного подчинения, только лишь личность для подражания. Это мне и понравилось. Смысл Буддизма в бесконечном самосовершенствовании, чем я и занимаюсь всю свою жизнь. В отличие от иных религий, Средний Путь не ограничивает тебя рамками дозволенностей и возможностей, но призывает к постоянному духовному и интеллектуальному росту. Наполовину это жизненная философия, что есть абсолютно верно. Постоянно идти вперед, открывая и познавая все новое и новое. Но с некоторыми пунктами я и здесь не согласен. Да и очень многое добавил от себя, на основе собственных исследований. Потому, я сам себе и пастырь, и судья.

– Неужели, у них там нет Богов?

– Почему же? Боги есть, только выполняют они иную функцию, в отличие от других представлений. Они устремлены собственным целям, и благо людское – отнюдь не одна из них.

– А ты можешь мне поподробнее об этом рассказать?

– Интересно стало?

– Ты, знаешь, да... После всего того, что произошло... После Катаклизма... Что-то такое внутри почувствовалось.

– Это хорошо. Правда, на сегодня – ложись-ка ты уже. Не забывай, тебе еще под утро в дежурство заступать.

– Конечно. Разбудишь?

– Разумеется. Часов больше нет рабочих, но сориентируюсь уж.

В этот раз Санек храпел громко. В прошлую ночевку не замечал за ним такого. Получил личную надежду, что в мире хоть что-то еще осталось светлое и не запачканное, вот теперь и спит с чистой совестью, ведь узнал то, чего подсознательно искал. Если постоянно давить на человека мраком, который его окружает, то рано или поздно он сломается. Иногда нужно маячить фонарем на ночном горизонте. Но не выстраивать вокруг личности Лас-Вегас с азартными играми и проститутками, как это делают наши «хозяева», поскольку в этом случае разум перестает быть критичным и отпускается на волю эгоизма и комфортабельности, не замечая острую и жестокую реальность, в любой момент готовую нанести по нему удар. Хороший ход. Негуманный, но хороший. Не удивительно, почему он работает веками. После такой многолетней обработки человек верит всему, что говорит ему та рука, которая милостиво выдает ему все материальные блага. И лишь единицам хватает смелости попытаться ей сопротивляться, ведь в таком случае они потеряют все дары и познают ее ярость. Вот только важно понимать: не в этих дарах

кроются все печенки, отнюдь не в этих.

Истлевшие сушеный табак, на самом деле – лишь очистки от производства товаров более высокого качества, и бумажное волокно осыпались на пол. Время пролетело быстро. Александра долго будить не пришлось – он потихоньку становился бойцом и понимал, чем может обернуться ситуация, если он не поднимется на дежурство.

– Опять курил?

– Ага.

– Не слишком ли часто?

– Что поделать... Привычка, *подсознание требует*. Все мы, в той или иной степени от чего-то зависим. Ладно, пришло время отдохнуть и мне.

– Спи спокойно, я покараулю.

Солнечные лучи ярко горят сквозь окно, заливая комнату сиянием. Кафельные стены помогают им отражаться равномерно по всему помещению. Какие-то шкафы и тумбочки стоят вокруг. Посреди комнаты лежит пожилая женщина. Трубки и провода пронизывают ее тело насквозь, подведенные к аппаратам искусственной жизнедеятельности. Одна из таких пластиковых змей вылезает из катетера в ее горле. Белое одеяло покрывает большую часть тела. На одном из запястий у старушки привязан на толстой красной нитке металлический крестик. Из последних сил женщина пытается поднять руку, крестик соскальзывает с шелушащейся, умирающей от рака крови кожи, и виснет на веревке,

застыв в воздухе, будто в замершем океане времени. Взгляд ее направлен на меня. Глаза полны печали, боли, страха и отчаяния, накопившихся за всю жизнь. Детство – война. Мировой пожар, сжигавший миллионы людей в огромных печах и на полях, залитых огнем и свинцом. Многолетняя блокада целого города, без еды, по жалким талонам на две сотни паршивых грамм опилок с крохами хлеба – единственным спасением, поступающим не каждый день. Бомбы, падавшие с разгневанных неизвестно за что небес, превращавшие километры жилых кварталов в пыль, пропитанную кровью и человеческими душами, летевшие под стягом древнего символа Солнца. Машины с теми, кто оказался не подходившим на роль расы, достойной населять этот мир, тонувшие в ледяной воде, что открывает разверзшееся посреди зимы огромное озеро – либо так, либо смерть под грудой бетона. Затем голод и скорбь от понесенных потерь. Призрачная надежда, волей которой оставшиеся строят светлое будущее. Теперь этот алый, стерильный и пустой мир кажется им раем после всего, что они смогли одолеть. И даже подхватившая их тоталитарная диктатура не может разрушить тот Эдем, в который они верят. Ведь ничего другого они на этом свете не видели, и не могли. Но в один день, после долгого ожидания исполнения пустых, пропитанных ложью насквозь, в своей сути, обещаний, все это рухнуло. А затем еще более смутное время, в котором не осталось места даже чести – ее заняли порок и десятилерованный эго-

изм. И больничная койка. Целое столетье, целая эпоха, тысячи разрушенных судеб, не видевших счастья, обманутых и брошенных всеми, сейчас смотрели на меня этими глазами, прямо в мою душу. Вот как умирали последние из тех, кто еще умел читать между строк. И кто сквозь истинный Ад нес добро и свет всему миру, сжимая в окровавленных руках, перевязанных терном препятствий, собственное сердце всю свою жизнь. Пожилая женщина закашлялась, засвистела и по трубке потекла слезь с частичками грибка и заразы, пожиравшей ее легкие изнутри. Мужчина, стоявший позади ее койки, подскочил и поддержал ее, подложил под шею подушку.

– Что? Крест ему отдать? – Спросил он.

Старушка покачала головой из стороны в сторону, попыталась что-то сказать, но вновь заухала. Мужчина наклонился, прослушал то, что она прошептала ему на ухо, поднялся, посмотрел на меня и нервно улыбнулся. Улыбка – защитная реакция сознания. Так проще переносить боль.

– Курить бросай, говорит. – Передал пожелание своей матери мой отец.

Глава 15: Расходный материал

Концентрация термоядерных реакций, даровавшая свет и тепло этой планете, опустилась где-то далеко за горами, оставив лишь рваную полосу огня, уже не бросающую длинные черные тени. С севера шли облака, убаюкивавшие земли перед дождем. Куприенко сидел посреди кустов на склоне большого холма. Перепады высот образовывали здесь нечто, отдаленно напомилавшее каньон, по дну которого пролегла дорога, в центре этого ущелья стоял небольшой заводской комплекс. Чем занималось индустриальное предприятие ранее – оставалось загадкой, но сейчас в нем располагалась база противника. От наблюдения за постовыми через бинокль Сергея отвлек подбежавший солдат.

– Товарищ майор, отряд собран и ждет приказа.

– Что с машинами? Когда они будут готовы?

Вот уже как второй день автоколонна Куприенко стояла на месте из-за поломки двух грузовиков.

– Точно не известно. Ремонтники разводят руками и снова обещают починить все к завтрашнему вечеру. Если найдем здесь запчасти, шансов на успех куда больше. Вы установили, сколько человек на базе?

– Семь постовых. Восемь патрульных. Еще десятерых видел, прошмыгивали из одного цеха в другой. Должны быть сменщики. Предполагаю, всего на заводе человек со-

рок-пятьдесят.

– Нас восемь.

– Не дрейфь, Сомов. Мы с тобой уже больше пяти тысяч километров вместе прошли. Столько чертовщины перевидали и выжили. Думаешь, этих фашистов не уделаем?

– Меня беспокоит другое, Сергей Олегович... Почему этот объект не обозначен на карте?

– Не знаю. И то, как эти бритоголовые сюда добрались, откуда они взяли целый арсенал, и уж тем более как нашли комплекс, не отмеченный даже на наших картах, – тоже.

– У нас есть четыре одноразовых гранатомета – все оставшееся из тяжелого.

– А гранаты?

– По одной, и то не у всех.

– Плохо... Черт, боеприпасы тоже скоро закончатся, только с едой нам немного повезло.

Офицеры вернулись на точку сбора отряда. Шесть бойцов, не считая их самих. Еще шестеро охраняли машины в километре отсюда. Причем, трое из них – подобранные. Последние уцелевшие из тридцать восьмой танковой роты. Сергей взял их собой. Того, что произошло, майор не ожидал. Конечно, перед выездом Куприенко провели брифинг: скоро противник нанесет ядерные удары, силы НАТО уже заняли плацдармы в Сибири, а войска Китая перешли границу на юго-востоке. Но вот остальное... Кошмарные твари всех вообразимых, а чаще всего – даже и нет, расцветок и ви-

дов появлялись отовсюду, со всех сторон. Волны живого мяса и слизи уничтожали оставшиеся после начала Катаклизма армии враждовавшего меж собой человечества. Без разбора. Всех стран и флагов. К счастью, пока что, линии сражений с ними были еще далеко от той части Сибири, где пролегал путь колонны. Но майор знал точно, еще из прошлой жизни: долго люди не протянут. Эти твари не были похожи на тех, с которыми он сталкивался во время «пробоя» Айса, ни капельки, да и далеко не все бойцы могли их видеть. Неизвестно, что это вообще за существа, откуда они пришли, и каким образом работала их странная маскировка. Единственным плюсом была их реальная уязвимость к огнестрельному оружию. Убить – реально, но тяжело. Мелкие калибры очень часто не представляли для монстров никакой серьезной опасности в силу их численности. Уродов мочили танками, тяжелыми стационарными пулеметами, ракетами и артиллерией. Но на сотню убитых через некоторое время приходили, а также прилетали и приползали под землей, еще две. Эти создания были куда круче тех, которых Сергей видел раньше. И если знакомые ему обитатели Нарака хотя бы «просто» убивали людей, то легионы этой мерзости высасывали все, что можно из тех, кому не свезло на поле боя. Люди были для них не просто жертвой или пищей, а чем-то большим. Мифические оборотни, вампиры, зомби и прочие – всего лишь детские забавы по сравнению с этими кошмарными гибридами моллюсков, жуков, членистоногих и чего-то еще. Глав-

ное – от «чего-то еще» они явно унаследовали больше всего в ходе своей эволюции. На счет эволюции, кстати, сомнений не было. Твари сильно различались по своему виду. Что-то из них ползало на куче лап и щупалец, что-то прыгало и бегало на двух «ногах», что-то даже летало. Встречались и такие диковинные экземпляры, как нечто, напоминавшее наших земных мамонтов, скрещенных с носорогами и крабами руками целой роты безумных генетиков. Иначе говоря, у неизвестного противника имелись и пехота, и танки, и кавалерия, и поддержка с воздуха. Дальнобойным оружием, в привычном для нас понимании, эти штуки не обладали, но были и те, что выпускали ядовитую кислоту или слизь, похожую на паутину, в разных масштабах и количествах.

За долгое время движения Куприенко не раз удавалось встречаться с чудовищами лицом к... чему бы то ни было. В небольших количествах, единичных в основном, монстры встречались почти везде. Но чем глубже к сердцу материка, тем, на счастье майора, реже они попадались. Больше двухсот последних пройденных километров они ни разу не наткнулись на этих существ. Прослушивая в эфире радиопереговоры военных, у Сергея обливалось кровью сердце, а всех его бойцов одолевал ужас от услышанного. Майор не хотел ничего скрывать от своих людей и предоставлял им полную картину событий. Это было даже не вторжение, нет. Это была бойня. И его парням приходилось воевать с этими созданиями, так что они должны были быть готовыми к встрече и

знать о противнике как можно больше. Особенно о том противнике, различить которого способны лишь единицы.

После быстрого тактического анализа ситуации и формирования плана действия, отряд начал атаку. Куприенко с двумя бойцами зашел с задней части комплекса. Гранатометы пустили в ход сразу, с холмов. Несколько человек на чем-то вроде плаца в центре базы разметало по окрестным стенам, плюс уничтожило укрепточку со станковым пулеметом. Одновременно с реактивными гранатами вылетели и пули снайперов. Двое постовых упали с вышек, а вслед за ними еще двое тел пустили предсмертные хрипы во мрак каньона. Вышек у противника не стало. Среди рокота выстрелов то и дело проскакивали воодушевленные фашистские выкрики. Несмотря на успешное начало – лишение врага основных элементов обороны, что открывало путь для зачистки – атака Сергея стала захлебываться. Противники брали числом. Выследить снайперов, пока что, последним не удалось. Ребята отлично передвигались среди обросших кустарником и покрытых еще довольно высокой чахлой травой склонов. Правда, и ликвидировать кого-то у них не получалось: винтовки, к сожалению, не были оснащены пламегасителями, и на вспышку моментально следовали несколько очередей. Бритоголовые пытались использовать кучность огня, а не точность собственных выстрелов, и молотили по предполагаемой цели вдвоем или же втроем. Положительный коэффициент от действий стрелков на холмах все же

имелся: снайперы постоянно приковывали к себе внимание националистов, в то время как вторая группа, под руководством Сомова, пробивалась с левого фланга. Один из его подчиненных, вооруженный пулеметом, сумел закрепиться за остовом москвича. Железный скелет автомобиля еще не настолько сильно проржавел, чтобы пропускать пули пистолетов-пулеметов. Плотный огонь рядового Стоеросова не давал хозяевам базы вылезти из укрытий, и те лишь неприцельно отвечали, высовывая оружие, по сути – попусту тратя патроны. Один автомат разлетелся вдребезги прямо в руках неудачливого боевика, лишив своего бывшего обладателя какой-либо огневой мощи и способности отразить штурм комплекса. Остальные его товарищи имели запасное оружие вроде пистолета или чего-нибудь легкого. Учитывая постоянные очереди, в распоряжении бритоголовых должно было иметься внушительное количество боеприпасов. Куприенко не знал, как проходит атака с левого фланга. Одного рядового ранили в ногу – перебили голень. От сломанной кости боль пошла просто ужасная, нападать солдат не мог, его крики и охи потонули в общем горниле сражения. На удивление опытного майора, боевой дух у противника оказался отличным. Они не боялись сражаться с профессиональными военнослужащими, и не отступали, даже учитывая те потери, что уже понесли. Ни один не дезертировал, все рвались в бой. Настоящие фанатики. Ситуация совсем протухла, после того, как бритые пустили в ход гранаты. Куприенко пока не от-

давал приказ использовать свои, за их малым количеством.

Когда разорвавшиеся рубашки вспахали потрескавшийся от старости асфальт и осыпавшуюся на треть кирпичную кладку стен, Сергей вспомнил обстрел его дивизии грузинской артиллерией. Сколько хороших мужиков и друзей тогда одновременно пересекло рубеж смерти...

Сквозь звон в ушах майор услышал треск и хрип громкоговорителя, висевшего внутри металлической решетчатой клетки, закрепленной на флагштоке. Уверенный в себе голос вострубил: «Вперед, Славяне! Уничтожим врагов нового мира! С каждым их трупом мы все ближе приближаемся к финалу этой войны! Не бойтесь за своих павших братьев – они обрели покой и свет в Валгалле! Помните: Наши Боги уже здесь, на Земле, они спустились с Небес, дабы погрузить мир в белое пламя и произвести Великое Очищение низших рас! Скоро все недостойные будут истреблены, и их подлая тень больше никогда не ляжет на наше будущее! Скоро Боги придут и к нам, чтобы вознаградить Достойных! Будьте храбры своим сердцем, поднимите свои руки к тучам, и тогда из них проглянет свет Солнца! Убивайте врагов, докажите свою преданность заветам! Нам был ниспослан Пророк, начавший очищение более полувека назад, но его противники смогли одержать верх, поскольку мир утонул в грязи! Но сейчас Боги вернулись! Новая Эра началась! Слава Третьему Царству! Слава Третьей Империи! Хайль Вотан! Слава Руси!».

«Его голос гораздо старше остальных и звучит более опытно. Этот человек, провещавший на всю округу – местный «Рейхсканцлер», без сомнения. Он стоит над этой одуроченной молодежью», – Подумал Куприенко, – «Нужно найти его. Раз до сих пор жив и обосновался на этом странном заводе, знать он что-то должен».

У боевиков осталось человек пятнадцать. Четверо сидели за бочками и контейнерами почти у центра базы. Снайперы не давали большинству показать свои лысые головы, патронов для их винтовок в грузовиках было достаточно. У Сергея остался один боец – раненного в ногу добило осколками, не успел отползти даже до ближайшей канавы. Вдвоем военные медленно прошли внутрь комплекса. Какие-то кирпичные и бетонные цеха, казармы, собственно, сами вышки, и большой ангар в центре, перед плацем. Все вокруг давно покрыла ржавчина, а Катаклизм лишь ускорил процесс окисления дождями и извержениями вулканов. Вообще, пока конвой Куприенко добирался сюда, все вокруг старело и умирало. Дома, автомобили, заборы, дороги, растения... Чем больше времени проходило, тем мертвее выглядел мир. Соединения серы и углерода триумфально пожирали даже сам воздух: местами невозможно было пройти без противогазов.

Вокруг Сергея находились здоровенные цистерны, контейнеры и вентили. Похоже, здесь что-то перегоняли и хранили. Из крыш многих домов торчали трубы. Территорию предприятия покрывали черные пятна матового вещества,

скорее всего – угольные осадки или мазут. Сам комплекс был огражден толстой кирпичной стеной с колючей проволокой сверху.

Двух боевиков майор и ефрейтор подстрелили, когда те попытались препятствовать продвижению армейцев к ангару. Еще один остался жив, но исчез из поля зрения, четвертого ликвидировал снайпер. С плаца открылся вид на всю базу – на левом фланге до сих пор шел бой. У Сомова, наверняка, уже заканчивались патроны. По крайней мере, кто-то из его отряда жив. А вот одного из стрелков на склонах завалили. Фашисты настолько были увлечены перестрелкой, что не заметили, как вояки у них за спиной все же смогли пробиться. Красться приходилось очень осторожно. Асфальт представлял собой сплошные ухабы, ямы и трещины. Кусочки камней, то и дело, попадали под берцы. Сумерки все же сильный союзник, но если Куприенко сумеют заметить – хана, моментально нашпигуют свинцом.

Из окна, мимо которого, пригнувшись, на корточках прошел Сергей, налетела массивная тень и повалила его на землю, одновременно оттолкнув напарника так, что тот шлепнулся.

– Сдохни, поганая еврейская свинья! – Прошипел разъяренный лысый кареглазый амбал, в бронежилете на белую, хотя уже полностью заляпанную грязью и кровью, футболку, камуфляжных штанах и большущих ботинках. Белые шнуры на них смотрелись глупо и выглядели вызывающе, что

сразу привлекало к ним внимание – считай, смерть для бойца, постоянно находившегося посреди военных действий. Солдат не должен ничем выдавать свое присутствие. Интеллект у этого гражданина «Светлого Будущего» явно был не на высоте – он мог просто крикнуть своим, что здесь интервенты, и те бы моментально убили штурмовавших завод. Но нет, он выбрал героическую холодную месть и расправу в одиночку. В результате над ним и расправились. Накаченный шкаф, под действием адреналина, позволил своему разуму затуманиться и прижал ветерана многих боев к земле, сев ему на живот, и начав душить. Сила у парня имелась, и долго бы Сергей не продержался, если бы не упущение бритоголового – про ноги тот забыл. Опытный военнослужащий, имевший хорошую растяжку, со всей силы врезал носом ботинка сзади, и скинул растерявшегося с себя. Паренька моментально принял ефрейтор, молниеносно и бесшумно перерезав здоровяку горло.

– Я твой рейхстаг труба шатал... – Сплюнул майор на мертвое тело и приказал своему подчиненному остаться снаружи ангара.

Внутри сооружения Сергей обнаружил огромную печь, пахнущую паленым мясом. Все вокруг было завалено разным металлическим мусором, заставлено ящиками, бочками и станками для снаряжения патронов. В другом конце ангара горела единственная лампочка, освещавшая тяжелую, открытую стальную дверь на больших петлях, за которой на-

чинался спуск вниз. Провода от громкоговорителя тянулись как раз к этой постройке и уходили под землю. Лидер группы фашистов сидел именно там. Словно в подтверждение мыслям Куприенко, динамик вновь разразился голосом: «Вперед, воины Рейха! За Правое Слово! Истребите этих ничтожеств!». У двери стояли двое дежурных и переговаривались.

– Очуметь, это же скока наших мужиков они уже положили?

– Да не парься, Ромка, мы этих козлов все равно всех перестреляем и перережем. Это же прихвостни чернооких. Хрен они что умеют. Налетели на наш форт и думают, типа возьмут его на раз. Конец им всем пришел.

– Аха-ха, это точно, браток. Норд сказал: время почти подошло. Мужики, вернувшиеся с севера, поговаривают о страшных монстрах, которые рвут в мясо российских солдат.

– Вот она! Пошла очистка! Так им и надо!

– А я вот, че-то, стараюсь... Вдруг, они и нас мочить начнут? Ссыкотно как-то.

– Да ты что! Мы же настоящие Арийцы, самая чистая раса, мать их всех, а не какие-нибудь там грязные дагестанцы!

– Так-то – да, хах. Я бы сейчас продолжил бы возрождать чистую расу, да!

– Жаль, Норд приказал порешить всех девок. Все из-за этого гребанного нападения.

– А круто он нас тут устроил: посменно идешь в казарму

и дерешь этих сучек. Так, а то, что порешили имевшихся – новых найдем! Не беда... Баба для того и нужна, чтобы род продолжать, да мужику угождать, так я считаю...

– Братан, ну ты, прям, философ! Так красиво подметить... Слушай, а классно мы сегодня утром этих черных пожгли.

– Сто пудов, уже вторую ораву за неделю, семнадцать человек в печку засунули.

– И еще шестеро в газенвагене подошли, в полдень. Это сколько... Двадцать три, вместе, получается, что ли?

– Именно, мужик. Двадцать три. На это число меньше проблем на планете стало.

– Прикинь, я во вторник, в рейд когда ходил, одного горца ограблял, так он меня фашистом назвал.

– Какие мы фашисты? Мы же национал-социалисты, возрождаем Великую Землю Русскую. Фюрера на этих арабов нету, уж он бы им всем показал!

– Ты про Сеню ничего не слышал?

– Не-а, его отряд так и не вернулся с юго-востока. Все четверо пропали. Егор с друзьями ходил на поиски, нашли тело Федьки. Подстрелили. Егор в пушках получше разбирается, говорит, из спецавтомата разведки мочканули. Суки. Он сам опять туда пошел, следы искать.

– Помянуть бы товарища... Как у тебя с этим делом?

– Никак. Завязал. Третий день не бухаю. Мы должны быть здоровыми, поддерживать здоровый образ жизни. Но, ты

знаешь, очень хочется... Да и человек стоящий, надо помянуть! А то, как же – такой парень!

– Конечно. После штурма на грудь немного примем, есть у меня водярка. Мылом не пользовался новым?

– Нет, пока. Сегодня пойду, помоюсь.

– Вот уж эти архаровцы бы зассали, если б узнали, что мы из них мыло делаем... Кхэ!

Брошенный майором нож угодил постовому в горло, над кадыком. Второй охранник двери не успел и удивиться, так как был зарезан осколком от разбитого стекла, который подобрал Сергей, пока крался меж ящиков. Военнослужащий подскочил к нему ровно в тот момент, когда лезвие ножа закончило свой путь в горле первого. Помещение было плохо освещено, все предметы отбрасывали тяжелые тени от лампочки. Пройти здесь незамеченным было достаточно легкой задачей. После давнишней операции на нефтедобывающей платформе – вообще пустяки.

Выстрелы снаружи продолжились, но с переменными затишьями, перестрелка еще шла. В ответ на винтовки одиночными откликнулись пистолеты. Долбанула граната, за ней еще одна. Отряд Сомова все же использовал последние. Кто-то из защитников завода продолжил палить через несколько секунд. Куприенко вытащил нож из горла охранника, вытер кровь об его комбез, вернул на место, достал из кобуры свой пистолет и начал спуск по ступеням.

Никаких звуков, за исключением размеренного шипения

радиостанции, снизу не доносилось. Это был не простой подвал, слишком глубоко, да и выполнен больно круто – по левой стороне потолка, на соединении со стеной, шел ряд тонких труб и проводов, к которым были подключены пару старых ламп, еще по сотне Ватт, «дозапретные», старая партия. По всей видимости, в Сибири всем было глубоко по болту на столичные нормы энергопотребления. Ступеньки хоть и окрасились в бордово-коричневые тона, но не скрипели. Майор шагал медленно и бесшумно. Основной дверью в этот небольшой бункер была верхняя, поскольку внизу стояла достаточно простенькая, как входные во многих подъездах, только без домофона. Обычная ручка и никаких кнопок. Выбор, как зайти, не был тяжким: Сергей резко дернул на себя, вскочил в образовавшийся проход и нацелил оружие вперед, позволив двери закрыться за собой.

– На месте! Не двигаться, а то мозги к хренам разнесу! – Вежливо и с укором гаркнул он на человека, сидевшего за столом, лицом прямо к входу.

– Мы можем договориться...

– Так вот ты какой, северный олень... Не о чем мне с тобой договариваться.

– Почему же сразу олень? У меня, хоть и погоняло «Норд», я вовсе не олень.

– Тут ты прав. Ты не олень. Козел. Сволочь. Хотя, даже, нет... Ты ублюдок поганый.

Мужчине за столом на вид только перевалило за полтин-

ник. Сильная проплешина на блеклых жирных волосах, морщинистое лицо с несколькими прыщами и складками. Раньше этот человек явно был гораздо толще. Катаклизм значительно повлиял на его суточный рацион, и бедняжка стал недоедать. Незнакомый сдвинул свои очки на нос и поглядел поверх них на прицелившегося в него армейца. Лицо покраснело, на лбу проступили капельки пота, а в глазах прочитались подмятые страх и истерика. Апартаменты «просветителя белой расы» оказались достаточно скромны и тесны: семь квадратных метров помещения содержали кровать, тумбочку, шкаф с жутко потрепанными и опаленными книгами, вероятно, притащенными сюда из окрестных сел и деревень, холодильник и основное рабочее пространство, с радиостанцией и микрофоном на нем – обшарпанный деревянный стол, лакированный под красное дерево.

– Как Вы прошли через охрану?

– Я здесь один стою. Нет больше твоей охраны. Руки положи, чтобы я их постоянно видел.

– Хорошо. Кто Вы такой?

– Где «Вы»? А, гад? Где «Вы»? Я здесь один, еще раз, гнида, повторяю! На меня твои гребанные штучки, не подействуют! И я задаю вопросы, ур-род! И попробуй мне не ответить...

– Хорошо, хорошо. Только не стреляй!

– Вот так просто? Хех... «Только-не-стреляй»... Имя.

– Валерий Иванович.

– Не свисти. Может, этих сосунков ты и одурачил своими морщинами и кучей тональника, но вот на меня это дерьмо не подействует, «Иваныч». Как по-настоящему зовут?

– Марат Ибрагимович.

– Марат, значит... Лидер национал-социалистического движения за очищение России от прочих народов во славу «Белой Расы»... Марат... Что за клоунаду ты здесь устроил?

– А что тебе не нравится?! Эти полудурки сразу и купились. Мне нужны были бараны, в качестве рабочей силы.

– Командовать любишь. Мозги промывать. Решил свой Рейх на пепле державы отгрохать? Кто ты такой? Кем был до Светопреставления?

– Чиновником... Из Архангельска. Родился в замкадье.

– Большая шишка, значит? А чего тогда в этом бомжатнике сидишь, а не с остальными своими?

– Да потому что не достаточно большая! – Взревел Ибрагимович и снес рукой канцелярские принадлежности и стеклянный стакан со стола. Осколки разлетелись по полу. Майор чуть не пальнул, когда хозяин завода нагнулся вперед с замахом.

– Не нервничай, а то жить кончишь от перенапряжения.

– Ты говоришь *мне* умерить пыл? Эти предатели бросили меня на произвол судьбы! Тех, кто повыше, москвичей и питерцев, да генералов драных, забрали, а всех нас – кинули! Ты понимаешь? Представляешь вообще, о чем я?! Таких, как я – тысячи по всей стране. А они нас кинули, как забродив-

шее дерьмо! Сами укрылись у себя в безопасных бункерах, глубоко под твердью, и командуют оттуда всеми войсками!

– Правильно... Так вам, скотам разжиревшим, и надо.

Чиновник оставил заявление Куприенко без комментария, но его загребущие глазки-бусинки забегали еще сильнее, а на лице, на секунду, промелькнул оскал.

– Что еще хочешь узнать? – Спросил Марат.

– Этот комплекс. Что за место и как ты здесь оказался?

– Был у меня раньше один знакомый хороший, вояка при чине, заведовал крупным складом боеприпасов. Продавал потихоньку имущество в массы. Большинство в Казахстан шло, а оттуда уже в Афганистан и Чечню. Нужно было ему место, для временного складирования, вот он меня и попросил надыбать такое, чтобы в глуши и поближе к заказчикам. Процентик пообещал достойный. Ну, я за свои ниточки подергал. Как оказалось, был один заброшенный заводской комплекс, занимался переработкой угля в советские времена, а ныне пустовал. Местечко не плохое, закрылось в восьмидесятые, даже на картах перестали отмечать, забыли. Отдал приятелю в распоряжение. А в сентябре узнал он, что комиссия должна большая на склад приехать, с проверкой экстренной. Якобы, на утилизацию боеприпасы отправить должны. Недосчитаются – кранты и ему, и бизнесу. Решил он тогда побольше товара вывезти, сюда вот, а сам склад, с каплей патронов и взрывчатки, – поджечь. Что там и в каком количестве сгорело и взорвалось – хрен посчитаешь же.

А свалили все на рядового, который якобы снаряд грохнул из-за врожденной неуклюжести. Ну, этого парнишу и посадили. Только вот, на самом деле, никакая это не утилизация должна была быть: они по всей стране так к себе в бункеры и подготовленные части все сгребали, чтоб никто не пронюхал, а заодно и овец блеющих успокоить, типа ничего страшного не грядет, войны никакой не будет. С кореша моего, конечно, погоны сняли, только срал он им в руки за такую зарплату. Без этих грошей не обеднел бы. Он на своем бизнесе теми еще бабками манипулировал. Товар еще был, связи остались, сгруппировался со знакомыми, и устроил себе здесь маленькое производство, патроны для винтовок и чего поменьше калибром клепал.

– А как ты этих вот набрал?

– Когда он про комиссию узнал, сразу мне шепнул, как дела обстоят. Я сделал пару звончков, понял, что никто спасать меня не собирается. Позвонил знакомому из Петрозаводска, а его уже увезли. Там уж хрен не догонишь, что край полный грядет. Думал, как выкручиваться. Самому хорониться надо было. Людей собирать, чтобы защитнички были, и кто мне жизнь обустраивать будет в дальнейшем. Если язык есть по жизни – всегда дотрындишься. Проблем с этим не было. Имелась у меня в Архангельске одна группка... Уж не помню даже, как себя называли. На них сразу глаз и пал. На площадь вышел, пресс-конференцию, так сказать, устроил, обличил все наше правительство, да предложил людям

под себя вставать, конец-то близок. А там, в толпе, ребят из этой группировки поставил – они всех и агитировали. У этих дуриков за главного дивчина одна была молодая. В принципе, бить морды неудобным я им в своем городе позволял, но вот один раз они совсем оборзели и троих чеченцев на вокзале при прессе замочили. Легко тогда их лидерша отделалась, парой минетов, да откатные стала мне башлять. Девчонка как узнала о моих планах на них, сразу в постель ко мне полезла, лишь бы я их взял с собой. Была у меня еще там одна движуха неформальная... Культ то ли Фрайона, то ли Брайона, что ли. Только вот они совсем дегенератами, отмороженными на голову, оказались. Крышу им капитально так отремонтировали. Со мной ни в какую не хотели, за мир все выступали. Я с их гуру по поводу подхода к молодым проконсультировался и отпустил. Он мне как раз и намекнул: надо давить на северо-германские корни и смешивать все это с Россией, один хрен эти паршивые шавки ничего не поймут. Только за слова красивые будут насмерть стоять, и за идею, которая исключительно в их башке есть, причем дурная, и у каждого – своя.

– А дальше ты собрал народ, объявил, что знаешь, где находится оружейная фабрика врагов нации и, имея средства, повел молодежь основывать столицу своей «Империи». Отсюда ты начал свой «антисемитский поход» и лидера фабрики, вместе с рабочими, приказал сжечь или перестрелять, забыв про дружбу. Правильно я понял?

– Ага. А что поделаешь, жить-то как-то надо. Жизнь – она такая... Кто больше урвал, тому и повезло. А дальше уже вся эта хрень началась, катастрофы все.

– Какая же ты скотина... – Сергей покачал головой, – Помимо твоей, в округе есть еще другие группировки?

– Не осталось. Мы всех поубивали, либо в строй к себе забрали.

– От твоих охранников слышал, группа одна пропала на юго-востоке...

– Да, было такое. Хрен его знает, что произошло. Там тело одно нашли, из винтовки разведки подстреленное. Остальных, наверняка, уже животные сожрали или чудища эти долбаные, откуда они только полезли...

– Вы чудищ здесь встречали?

– Нет. Тут и на юге их почему-то нету. Не нравятся им места, или не дошли еще – хрен знает. Я ведь о мире ничего теперь не знаю, в информационном вакууме сижу. Радио вообще никого не ловит, после атомной бомбежки же живем. В крупных городах все давно поподыхали.

– Никаких сигналов? Вообще не было?

– Да так, была пару раз одна шушера непонятная, помехи сплошные, слова ни хрена не разобрать. Далеко, наверное. Может, вообще короткие волны с другого материка. Ничего стоящего. Ваши свои каналы хорошо фильтруют. Мне их не взять, даже если и был кто поблизости.

– В общем, ясно все. Боеприпасы еще остались?

– Да, есть несколько ящиков. В казармах личного состава. Они рядом с этими босяками лежали, чтобы чуть что – сразу под рукой.

– А гранаты имеются?

– Кончились, полагаю. На вас, уродов, все ушло.

– Так, повыражайся мне еще тут, выпердышь девяностых... Осмелел, да? Что-то ты какой-то сговорчивый... Все мне размусоливаешь, сдаешь сам себя с потрохами.

– Майор... Ты ведь майор, да?.. Ну, сам-то подумай. Встань на мое положение. Мне жить осталось пару минут. Ты ведь из другой породы, кончишь меня по совести. Или, может, все же договоримся, а? Ты боец опытный, не простой тупоголовый вояка. Фантазия имеется. Мы бы с тобой такие дела вместе проворачивать стали, ты только представь...

– Хах. Даже под дулом пистолета ускользнуть пытаешься. Выворачиваешься, юлишь. Ребят, значит, своих ждешь. Время тянешь. Думаешь, пока мне рассказываешь, они подойдут? Небось, гонца отправил. К блокпосту, что в четырех километрах западнее, да? В лагерь маленький? Так вот: нету там больше твоих нацистов. В Валгалле они, как ты сказал. Мы их позавчера еще, всех...

– Ах ты сволочь... – Ибрагимович взметнулся со своего кресла в попытке перемахнуть стол и накинуться на военнослужащего.

Подобной прыти от человека его уровня Сергей не ожидал. Выстрел эхом отразился от бетонных стен бункера, уда-

рив по ушным перепонкам. Труп архангельского экс-чиновника распластался по полу. Куприенко подошел к микрофону, нажал на кнопку вещания – сверху донеслись почти неслышные треск и шипение, после чего заговорил: «Эй, нацисты! Кончился ваш Рейхсканцлер! И ваша «Тысячелетняя Империя» вместе с ним! Прекратите сопротивление! Сложите оружие!».

В подвал забежал Сомов, в одной руке державший свешанный с плеча автомат, а другую прижатой к животу – часть формы была окровавлена. Командир сразу же подскочил к подчиненному.

– Все в порядке, Сергей Олегович. Я, наверное, в разгрузке родился! Пуля по ремешку прошла, только кожу зацепила, сбоку. Крови немного и все.

– Удивительно. Как же тебе свезло-то...

– Если бы свезло, вообще бы не задело, товарищ Майор... Кхм, докладываю: основные силы противника разбиты. Осталось четыре человека. После вашего объявления они скрылись за территорией комплекса, вместе с оружием. Также мы нашли их грузовик, переоборудованный в газовую камеру. Детали двигателя должны подойти для наших машин. Ремонтники обрадуются.

– Доклад принял, капитан.

– К-капитан?! – Переспросил застывший от удивления мужчина.

– Так точно. За проявленные заслуги, Сомов, награждаю

вас званием капитана Российской Армии.

– Благодарю, товарищ Майор! Вот только...

– Да. Что там с плохими новостями. Сколько нас осталось?

– Трое. Всего трое. Еще снайпер выжил, Богратионов. Молодец, хорошо отработал.

– Дерьмо! Все полегли... Гребаные чиновники... Чтоб им всем в Аду...

– О чем вы?

– Потом расскажу. Ладно, операция почти закончена. Ничего интересного в этом бункере нет. Пойдем отсюда. Эти четверо, наверняка, сейчас с силами соберутся и ответят нам. Нужно доделать работу. Скольких людей эти сволочи истребили...

– Товарищ... Сергей Олегович, скажите честно: зачем мы на эту базу напали? Грузовики бы все равно починили, без дополнительных деталей, просто дольше времени бы заняло. А подобных боевиков мы всю дорогу стороной обходили, в целях безопасности *Груза*.

– Сомов... Мы уже подходим к точке назначения. Осталось немного. Эта группа могла представлять опасность для наших войск и беженцев. Нужно было их ликвидировать...
Да и ангел-хранитель мой мне на ушко шепнул.

– Шутник вы. Никак не успокойтесь с той галлюцинацией?

– Ты смотри лучше, головой не ударься. Потолок здесь

низкий, дверь так по-дурацки закреплена...

– Какая у нас следующая контрольная точка по плану, товарищ командир?

– Небольшой населенный пункт. В штабе мне говорили, что он – одно из возможных мест продвижения войск противника. Даже если так, то было это давно. Городок небольшой совсем, *Назия* называется.

На фоне почти затихших шагов поднявшихся наверх военных в радиоэфире возникли новые ноты шипения, которые затем вылились в прерывистые и неразборчивые слова: «*Это соо... ..ие будет пов... ..тсся. Я надеюсь, что вы мен... ..ите. Сер... ..енко, ты в опасности. Будь осто... ..обой хвост... ..нге... ..не тот, за кого себя выдает... ..*».

Глава 16: Покажи-ка мне, Друг...

Саня поднял меня рано. Выспаться на этот раз нормально не удалось. Как поднялся – пару раз чихнул, высморкался. Бывает у меня такое. Голова потяжелела. Самочувствие не очень, тело постанывало. Всегда так, когда мало проспал. За окном было достаточно холодно. Его вопросы во время завтрака я игнорировал, дав понять, что не в настроении. Хотя лично он тут был совсем не при чем и сделал все правильно. За ночь небо скрутили серые облака. Не грозовые тучи, но и не белокрылые лошадки. Нечто среднее. Уже светлело. Напарник доложил, как несколько раз слышал завывания каких-то животных. Вдалеке. Сказал, по звукам было похоже на волков, только каких-то «более стремных». Хрен его знает, в общем. Сил у меня почти не было. Эта ночь прошла очень тяжело и быстро, оставив меня помятым. Дурацкие сны... Когда мы отошли от хибарки где-то на километр, далеко в туманном горизонте на востоке, робко и недоверчиво, высокие холмы, вместе с частью облаков, стали обретать сиреневый окрас. Сквозь мутную предрассветную пелену начали проглядывать голубенькие и желтенькие лоскутки небесного свода, что меня значительно обрадовало: на этом холсте природы я смог разглядеть, или, скорее даже, *почувствовать* те несколько миниатюрных мазков кистью, что так занимали сейчас мой разум. Уже немного осталось.

- Все-таки отличное сегодня утро... – Произнес я вслух, – Ты так не считаешь?
- Чего это с тобой? Ты как проснулся – вообще никакой, хмурый. А тут вдруг утро у него отличное...
- У всех иногда скачет настроение.
- Утро действительно хорошее. Красота.
- Ты часто любовался рассветами и закатами, или просто окружающим миром до Катаклизма?
- Не-а... – Сашка погрузился, – Как-то времени не было. Не обращал внимания. Сам понимаешь, всегда куча дел, учеба, работа... Суета, одним словом.
- Это да. В наше время человек слишком погряз в своих делах. Они затянули его очень глубоко, заставив выставить на первый план собственные нужды и проблемы. А вся планета оказалась где-то на задворках сознания. Он уже не видит вокруг себя ничего, кроме того, что уже и так знает.
- Это как это? Что ты хочешь этим сказать?
- Да то и говорю. Человек видит лишь то, что он знает и понимает. Только вот мир, на самом деле, гораздо шире и глубже, чем большинство думает.
- Пример можешь привести?
- Представь себе фотографа, который бы сейчас стоял здесь, рядом с нами, и снимал этот рассвет.
- А почему мы остановились, разве нам не нужно идти дальше?
- Погоди. Успеем. Вокруг нет угрозы, поверь мне. Так вот:

фотокамера в его руках видит гораздо большее, чем он сам, ведь оптический прибор не имеет собственного мнения. Он просто пропускает свет окружающего естества через себя и запечатлевает его на пленке без исправлений. Согласен?

– Согласен. Как-то не приходило в голову.

– Вот-вот. Не ты один такой. Наш мозг принимает до пятидесяти гигабайт информации, но *сознание* усваивает лишь ничтожно малую часть из них. Наши глаза – это наша оптическая система, как у фотоаппарата, а в роли карты памяти, которая получает конечный снимок, выступают затылочные доли, зрительный центр. В итоге мозг запечатлевает лишь то, что он *способен* видеть. Как ты уже понял, глаза видят на порядки больше того, чем сознание выстраивает нам в качестве проекции. Иначе говоря, *мы видим только, и только то, в возможность чего мы верим*. Когда корабли известного мореплавателя Христофора Колумба – белопарусная армада, увенчанная красными крестами – подплывали к Карибскому архипелагу, индейские племена, населявшие эти острова, *не увидели ни одного судна*. Ни один из местных жителей не был способен разглядеть армаду, просто потому, что *о существовании чего-либо, хотя бы близко подобного ей, они не знали*. В их жизненном понимании отсутствовало представление о существовании огромных парусных судов. Когда духовный лидер племени, связанный с сокровенными тайнами их мира, увидел расходившиеся волны в обозримом океане, ему стало интересно, откуда же они взялись. И то-

гда он стал приходиться на пляж, в полном одиночестве стоять на нем, и смотреть на горизонт. И вскоре он смог признать для себя, поверить в существование некоей причины столь необычных явлений, и тогда увидел армаду. Тот час он оповестил всех членов племени о существовании парусного флота, а поскольку он считался мудрейшим человеком общины, то каждый принял это за истину и оказался способен его *увидеть*. Многие люди, когда тема касается чего-то необычного для них, незнакомого, непонятного, говорят: «Я не поверю в это, пока не увижу своими глазами!». Но они не понимают, что и так могут сталкиваться с этим каждый день, что это всегда находится вокруг них. *Они действительно видят это своими глазами, но они не способны воспринять это своим сознанием, поскольку сами себя ограничили.*

– Вау... Нет, действительно, просто «Вау!»... Я бы никогда не подумал о чем-то подобном. Хотя, это же так просто...

– *Видишь, теперь подобные вещи уже кажутся для тебя простыми! И пока ты будешь уверен в том, что они просты, они действительно будут таковыми являться, простыми для твоего понимания, и ты сможешь осмыслить их в полной мере!*

– Отказаться от всего, чему меня учили...

– Да! Да, и еще раз да! Человечество больше не может следовать по заблудшему пути, приведшему нас к Катаклизму в том виде, в котором он есть! *Это тупик! Конец дороги!* Дальше идти по ней уже не возможно. Сколько времени мы

уже считаем, что наш мир статичен, что он независим? Нам легко думать, будто Космос – это пустота, населенная независимыми объектами, независимой от нас материей, с которой мы ничего не можем сделать. Разумеется, в таком положении человек будет считать, что он – всего лишь наблюдатель и не оказывает никакой роли на окружающие его явления и события. Но это все не так! Это не правда! *Мы сами убедили себя в этом*, убедили в реальности этой точки зрения, заставили себя *поверить* в это и отрицать все то, что говорит нам обратное, поскольку это *противоестественно нашим представлениям*, идет *вразрез с принятым нами комплексом взглядов*! И наука, и религия, и философия, и история – все, хором, утверждает нам обратное. И что получается? Взгляни на среднестатистического современного человека, особенно молодого поколения. Он ничего не знает ни о науке, ни о религии, ни о философии, ни об истории. Он попросту необразован! Закутывается в покрывало своих убеждений и отрицает все потому, что это *уязвляет* его, делает больно, нарушает самооценку, заставляет принять тот факт, что он не знает о том мире, в котором живет, совершенно, абсолютно ни-че-го!

– Получается, *мне, как и всем остальным*, пришло время подняться на «новый уровень»?

– *Иначе все мы исчезнем*. Жизнь – это уникальная система. Она постоянно растет, постоянно эволюционирует. Для нее нет какого-либо пика или предела. Если какой-то ее ком-

понент застывает на одном уровне, то он перестает существовать. Те же динозавры, например... Им не было места в будущем мире. Они устарели и не могли двигаться вперед. Результат – массовое вымирание. Но были и те виды, которые смогли продолжать эволюционировать, и жизнь на Земле не завершилась, она просто сменила облик, вот и все. Да, даже далеко ходить не надо... Та же история коренного американского народа – их уничтожило то, о существовании чего они даже не знали, то, во что они не верили. Только вот их неверие никоим образом не изменяло факта того, что иная, более могущественная и многочисленная, культура – европейская – имела место быть. И сейчас, в данный момент, как ты понимаешь, аналогичная ситуация происходит со всем Человечеством в общем: на Землю, в мир, который люди считали своим, пришла чужая, не понятная нашему обществу, цивилизация. Само собой, *на данном уровне своего развития* мы проиграем, как это и было с индейцами. И я говорю не о технологиях, *а о понимании мироустройства, о понимании того, что оно собой представляет и как работает.*

– Что мне нужно делать? Каким образом мне все это понять?

– У тебя уже есть неплохая база, ты узнал достаточно многое. Я ведь также начинал с нуля, не забывай об этом. На самом деле, мир – это не просто какие-то твердые, материальные объекты, существующие сами по себе, как я уже гово-

рил. В первую очередь – это пространство возможностей и вероятностей. Чтобы продвинуться далее, ты должен целиком это понять. Мир сам по себе, огражденный ото всех, не существует. Все мы вносим в него свой вклад. Любая форма жизни, любой процесс, что в нем происходит – все это его и составляет, созидает в каждый момент времени. Человек является не простым наблюдателем – он абсолютно равноправная часть всего этого сверхпроцесса, точно такая же, как и тигры, водопады, тайфуны и реакции водорода и гелия внутри звезд. Люди, хоть и капли, но части океана, понимаешь?

– Не было бы воды, не было и океана, ведь он состоит из таких вот капель.

– Хорошее сравнение.

– Получается, все эти процессы, составляющие наш мир, представляют собой хаос?

– Нет. Так может показаться только с первого взгляда. Тебе уже удалось вместе со мной побывать в Волдыре, параллельной микро-вселенной. Существует невообразимо огромное количество различных параллельных миров, которые точно также расширяются до бесконечности, как и наша реальность. Мы называем их «Планами Бытия». В каждом из них имеются свои возможности и вероятности воплощения этих возможностей, подчиненные физическим законам каждого из миров. При этом отсутствие вероятности проявления возможности в одном из Планов автоматически порождает собой иной мир, в котором эта самая возможность вероятна.

Таким образом закон вероятностей и возможностей, имеющий под собой причинно-следственную связь, является, одновременно, и микро-, внутривидовым, и макро-, *планогенезным*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.